

WORLD
WARCRAFT

TRAVELER

ПУТЕШЕСТВЕННИК

ГРЕГ ВАЙСМАН

World Of Warcraft

Грег Вайсман

**World Of Warcraft.
Traveler: Путешественник**

«АСТ»

2018

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Вайсман Г.

World Of Warcraft. Traveler: Путешественник / Г. Вайсман —
«АСТ», 2018 — (World Of Warcraft)

ISBN 978-5-17-104478-7

Прошли годы с тех пор, как талантливый двенадцатилетний Арамар Торн, никогда не расстающийся с блокнотом для рисования, в последний раз видел отца. Поэтому, когда капитан Грейдон Торн неожиданно возвращается и просит сына отправиться с ним в плавание, Араму кажется, что мир заиграл новыми красками. Оказавшись на борту «Волнохода», мальчик изо всех сил старается поладить с командой – особенно со вторым помощником капитана Макасой Флинтвилл, крутой девушкой, немногим старше Арамара, неохотно взявшей над ним шефство. Но едва Арам успевает освоиться в море, на их корабль нападают свирепые пираты, и жизнь мальчика вновь переворачивается с ног на голову. Пытаясь найти дорогу домой, Арам и Макаса встречают на своем пути множество существ, одинаково ужасных и удивительных. Чтобы лучше понять обитателей Азерота, Арам рисует их в своем блокноте и попутно находит самых невероятных друзей. Только вот путешествие затрудняет компас Грейдона, никогда не указывающий на север. И если этот компас не направляет Арама и Макасу домой, к безопасной жизни, какая же судьба ждет их в конце пути?

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-104478-7

© Вайсман Г., 2018

© АСТ, 2018

Содержание

Часть первая	8
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Глава шестая	41
Глава седьмая	45
Глава восьмая	50
Глава девятая	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Грег Вайсман
World of Warcraft. Traveler: Путешественник

Greg Weisman

WORLD OF WARCRAFT: TRAVELER

Печатается с разрешения издательства Scholastic Inc.

при содействии литературного агентства Andrew Nurnberg

Обложка – *Aquatic Moon*

Иллюстрации – *Сэмюэлз Дидье*

©2018 Blizzard Entertainment, Inc. All rights reserved.

Traveler is a trademark, and World of Warcraft and Blizzard Entertainment are trademarks and/or registered trademarks of Blizzard Entertainment, Inc., in the U.S. and/or other countries.

*Моей учительнице Сэнди Войн,
благодаря которой все это и началось —
во втором классе, с горстки верно написанных слов...*

Часть первая На борту «Волнохода»

Глава первая Сон о пути и свете

Арамар Торн отвернулся от Света.

Свет позвал его, и он последовал на зов – поплыл за море, не прибегая к помощи судна, лодки или хотя бы плота – и плыл, пока волны и брызги под Арамаром не исчезли, и он не обнаружил, что достиг берега. Но Свет звал и звал его за собой. Этот странный Свет исходил не от солнца, не от лун и не от звезд, составлявших созвездия, которые после исчезновения отца часто показывала шестилетнему Арамару мать, обещая сыну, что Грейдон Торн обязательно найдется. Нет, то был совсем незнакомый Свет, он двигался по небосводу без определенного направления – по крайней мере, наверняка определить его путь, не говоря уже о точном местонахождении, было совершенно невозможно. И все-таки, не успев даже принять сознательного решения продолжать свой путь, Арам вдруг обнаружил, что идет к нему. Он шел и шел – по пыльной пустыне, по глухому лесу, по топкой трясины, по густым джунглям – и остановился лишь перед отвесным склоном высокой горы, казалось, поднявшейся из земли лишь затем, чтобы преградить ему путь. Но зов Голоса Света: «Арам, Арам», – не прекращался, хотя до ушей не доносилось ни единого настоящего звука. Голос Света схватил Арамара, словно сжав в кулаке его сердце, больно дернул, поднял в воздух, и Арам Торн взмыл ввысь и летел сквозь облака и лучи солнца, сквозь дождь и гром, пока молния не ударила так близко, что волосы на предплечье встали дыбом и тут же скорчились от жара. Но даже вспышка этой молнии померкла рядом с ослепительно ярким сиянием Света.

Он проделал столь далекий путь, чтобы отыскать этот Свет – отыскать, чтобы Свет смог спасти его, смог вернуть ему отца, а самого Арамара вернуть домой, обратно к матери, к Роббу, и к Робертсону, и к Селии, и даже к Чумазу. Но, когда он, наконец, достиг цели, Свет ослепил его, и Арамар Торн отвернулся. Свет звал его: «Арам, Арам, ведь именно ты должен спасти меня!» Но он отвернулся прочь. Свет еще раз окликнул его по имени...

– Арамар Торн! А ну вытряхивай из койки свои жалкие кости!

Разом проснувшись, Арам вскочил и больно ударился лбом о верхнюю койку, подвешенную всего в паре десятков сантиметров над его изголовьем. За шесть месяцев плавания мальчик так ничему и не научился, и если учесть, сколько раз он просыпался таким образом, на лбу давно должен был образоваться несходящий синяк. Странный сон о Пути и Свете немедленно начал забываться, меркнуть, и как Арам ни старался запомнить хоть одну деталь, память распорядилась иначе.

Поначалу Макаса Флинтвилл, второй помощник капитана, от души веселилась, глядя, как Арам расшибает лоб, но это давно осталось в прошлом. Этот мальчишка никогда не мог проснуться самостоятельно – чтобы разбудить его, ей частенько приходилось орать у него над ухом по две минуты кряду, и это лишний раз подтверждало, что на борту «Волнохода» ему не место. Она просто видеть не могла Арама, но капитан – негласно, не отдавая прямого приказа – определил новичка ей в подопечные. Однако никто ни слова не сказал о том, что с этим юным балбесом надлежит нежничать. Устав орать на Арама, она ухватила его за босую ногу и сдернула с койки.

Жестко приложившись спиной об пол, Арам открыл глаза и ожег своего заклятого врага яростным взглядом. Макасе было семнадцать – всего на пять лет больше, чем ему, – но, даже когда он тянулся перед ней по стойке «смирно», она возвышалась над ним на добрые полголовы, а уж сейчас и вовсе нависла горой. Он еще дважды моргнул, фокусируя взгляд. Свет падал на Флинтвилл со спины из распахнутого люка, ее темная кожа сливалась с полумраком кубрика, и затуманенное сном сознание воспринимало Макасу всего лишь как тень. Однако отрицать реальность и осязаемость ее присутствия было невозможно. Высокая, стройная и мускулистая, мелкие кудряшки волос острижены под корень... Флинтвилл представляла собой неодолимую силу, а Арам, к собственному несчастью, не был неподвижным предметом. Сжав в кулаке ворот его матросской блузы, Макаса рывком подняла Арама на ноги.

– Через пять минут подойдем к берегу, – прорычала она. – Обувайся! Через две минуты жду в трюме.

* * *

Чтобы спуститься в трюм, вначале требовалось подняться на палубу. Натянув чулки, надев сапоги и ополоснув лицо, Арам выбрался на свежий воздух. Бросив взгляд на берег – первую твердую землю, которую он увидел за неделю, – Торн рысью побежал к трюмному люку, мимо матросов, готовившихся пристать к берегу. Впрочем, он знал: как быстро ни беги, второго помощника капитана «Волнохода» не опередить.

Нырнув в люк, Арам ухватился за внешние края трапа и ловко соскользнул вниз. Наконец-то он освоил этот трюк! Каблуки гулко ударили в помост. В трюме тоже почти не было света. Полумрак пах рыбой и плесенью.

Макаса, конечно, уже ждала его. Она стояла, повернувшись к люку спиной, но командовать принялась еще до того, как он успел спуститься:

– Этот бочонок и эти четыре ящика отправятся на берег. Помоги мне с бочонком и возвращайся за ящиками. И не забудь убедиться, что ящики – те самые.

В ответ Арам промолчал. Это вполне устраивало их обоих. Первые несколько недель на борту он пробовал и «Есть, мисс!», и «Есть, мэм!», и «Есть, сэр!», но все это неизменно вызывало недовольную гримасу на ее лице. Тогда он попробовал «Есть, госпожа второй помощник!», «Есть, госпожа Флинтвилл!» и даже «Есть, Макаса!», но и это ей, очевидно, не подошло. Поэтому Арам перестал обращаться к Макасе – хоть по имени, хоть по званию – и вообще изо всех сил избегал обращаться к ней.

Вместе они накренили бочонок, чтобы откатить его к грузовому люку, и Арам услышал и почувствовал, как что-то плещется внутри. Вопрос слетел с языка прежде, чем он успел подвергнуть его цензуре:

– А что там, в этой бочке?

– Крутые куриные яйца в маринаде, – мрачно, словно приглашая усомниться в этом, отвечала Макаса.

Лицо Арама скривилось от отвращения.

– Да кому нужны крутые куриные яйца в маринаде?!

– Вот подожди, и увидишь, – сказала Макаса, улыбнувшись в первый раз за утро – а, может, и за целый месяц.

Арам покачал головой. Эту привычку пришлось вырабатывать, потому что прежняя его манера – закатывать глаза – уж слишком раздражала второго помощника Флинтвилл, а злить ее лишний раз было совсем ни к чему. Вдвоем они докатили бочонок до грузовой сетки, и та немедленно натянулась вокруг него, будто гамак – палубные потянули тали, поднимая груз. Макаса, не говоря больше ни слова, вскарабкалась по трапу наверх, оставив Арама внизу.

Арам отправился обратно к указанным ею ящикам. Ящики не были запечатаны наглухо, и он скovyрнул с одного крышку, чтобы удовлетворить свое любопытство. Внутри обнаружились старые выщербленные топоры на потрескавшихся, а то и сломанных деревянных рукоятях, острия клинков и даже ржавые гвозди. Арам окинул взглядом трюм отцовского корабля. Трюм был полон подобного случайного хлама, бесполезного мусора, не нужного ни одному человеку в здравом уме. Однако именно этот бесполезный мусор и был основными товарными запасами Грейдона Торна. «Волноход» бороздил воды Азерота, заходя и в порты Орды, и в порты Альянса, и в любые прочие, попадавшиеся по пути. Торговля капитана Торна была делом темным. Мелкая партия там, мелкая сделка сям... Арам вновь покачал головой. Как все это могло принести выгоду, он совершенно не понимал.

В четыре приема мальчик перетаскал ящики в грузовую сетку, каждый раз провозжая взглядом груз, поднимающийся наверх, к свету дня. Все это о чем-то напоминало – но о чем? Этого он никак не мог уловить. Выкинув из головы дремлющие воспоминания, он полез наверх, следом за ящиками.

Выбравшись на палубу, он немедленно был вознагражден внушительным шлепком по спине, лишившим его паруса ветра, и жизнерадостным возгласом:

– Доброго утрачка сыну Грейдона!

– Пожалуйста, не называй меня так, – ответил Арам, переведя дух.

Обернувшись, он вовсе не удивился, увидев открытую улыбку первого помощника капитана «Волнохода» – широкоплечего рыжебородого дворфа Дургана Однобога, ростом лишь чуточку выше полутора метров, зато весившего не меньше восьмидесяти килограммов. Видеть улыбку Макасы Араму доводилось нечасто, но какое-либо другое выражение на лице Однобога он видел еще реже.

– Слушаюсь, Арамар! – с фальшивым раскаянием в голосе ответил Однобог. – Конечно, ты человек не чей-то там, а свой собственный. Невелик, конечно, человечек, но все же...

Арам широко улыбнулся дворфу, взирая на него с высоты своих ста шестидесяти пяти сантиметров. Он знал, что для своего возраста высок ростом, и имел все основания надеяться вырасти еще выше. Но старший помощник с таким удовольствием поддразнивал своего юного друга, называя его маленьким человечком, что Араму и в голову не приходило выражать недовольство его забавой – в основном потому, что Однобог нравился ему больше, чем кто бы то ни было на борту «Волнохода», включая и его собственного отца, капитана Грейдона Торна.

– Книжечка-то с собой? – весело поинтересовался Однобог.

В ответ Арам хлопнул по заднему карману брюк.

– Как всегда!

– Добро. Может, сегодня увидишь что-нибудь, достойное ее страниц. Мы отдали якорь. Твой старик велел тебе отправляться на берег.

На долю секунды Арам вновь ощутил то самое желание. Желание швырнуть отцовский приказ прямо в морду – в самую морду ему, великому и могучему капитану Грейдону Торну. Его отношения с отцом были... так сказать, непросты. Но, честно говоря, сейчас Араму до смерти хотелось снова ступить на твердую землю, и бунтовать не было никакого смысла. Кроме того, в голове прозвучал голос его матери, Сейи: «Не стоит отрезать себе нос назло собственному лицу, дитя мое». Претерпев еще один дружеский, но болезненный шлепок по спине, Арам оставил Однобога и направился к трапу.

Глава вторая

По ком звонит гнолл

Не дойдя до конца трапа пары метров, Арам прыгнул вбок и приземлился на отлогий берег, круто уходящий в воду. Здесь не было ни порта, ни пристани – лишь небольшая естественная бухта на побережье Пустошей, позволявшая «Волноходу» подойти почти к самому берегу. Бочонок и ящики уже лежали на песке, под присмотром Макасы Флинтвилл и отца Арамара, капитана Грейдона Торна.

До ста восьмидесяти сантиметров роста Грейдону не хватало лишь какого-то волоска. Был он строен, но мускулист, густые темные волосы и густая темная борода едва начали седеть, принимая оттенок его светло-серых глаз. Много раз сломанная, его переносица скривилась причудливым зигзагом. Но при виде сына в серых глазах Грейдона появилась улыбка, подхваченная и едва заметно дрогнувшими уголками рта.

– Готов? – спросил он Арама с усмешкой в голосе.

– К чему? – насупился в ответ Арам.

Как обычно, чем больше улыбался отец, тем меньше Арам был склонен отвечать тем же.

Но на сей раз капитан, очевидно, не заметил этого. Улыбнувшись открыто, он повернулся к Однобогу, наблюдавшему за берегом с борта корабля, и кивнул. Первый помощник трижды ударил в судовой колокол, и все, кроме Арама, устремили взгляды к опушке леса, подступавшего к самому берегу.

Ну, а взгляд самого Арама метался между отцом с Макасой и лесной опушкой. От него не укрылось, что Макаса вооружена до зубов. За спиной у нее на ремне висел щит – железный диск, обитый несколькими слоями гасящей удар сыромятной кожи, через плечо был перекинут отрезок железной цепи, к поясу пристегнута абордажная сабля, в опущенной левой руке – длинный железный гарпун, воткнутый тупым концом в песок. На поясе у отца, напротив, не было его обычной абордажной сабли, зато опирался он на весьма впечатляющую боевую дубину из звездной древесины и железа, легко достававшую ему до пупа. Отметив все это, Арам тут же почувствовал: нет, он не готов – до такой степени, что сошел на берег едва ли не голым. Да, блокнот для зарисовок был при нем, но лучше бы он взял вместо него свою абордажную саблю!

И тут Арам почувствовал – скорее, почувствовал, чем услышал – шорох листвы. Из лесу на полосу гальки, отделявшую заросли от песчаного берега, выступило существо – да не одно, а множество! Все они были похожи на собак, покрытых бурой шерстью в желтых подпалинах и черных пятнах, не слишком прямо державшихся на задних лапах, облаченных в рваные одежды из грубой шерстяной ткани и разрозненные детали железных доспехов. Имелось при них и оружие. Множество оружия! Дубины, копыя, топоры, боло, и снова дубины, «украшенные» острыми железными навершиями и шипами.

– Кого же мы видим? – спросил Грейдон.

– Гноллов, – почти беззвучно выдохнул Арам.

Обычно он терпеть не мог подобных отцовских вопросов, но в этот миг был зачарован так, что и думать забыл об обидах. С детства Арам слышал много слухов, ходивших об этих чудовищах в Приозерье, но живых гноллов не видел еще никогда. Составленному Грейдоном описанию видов они соответствовали исключительно точно – вот только добрый капитан не потрудился указать внушаемую ими разновидность страха.

Грейдон снял поношенный кожаный плащ, позволив ему упасть на песок. Компас, висевший на золотой цепочке вокруг шеи, капитан спрятал под белую рубашку. Затем он сделал шаг вперед и, крикнув, вскинул тяжелую дубину на плечо. В ответ гноллы... рассмеялись. По крайней мере, для ушей Арама это прозвучало, как смех. Начавшись с громкого леденящего

душу клекота, звук достиг вершин громкости и пошел на убыль, сменившись разрозненным фырканием, перешедшим в частое громкое дыхание – точно так же пыхтел их домашний пес Чумаз, примчавшись домой после беготни вдоль берега озера Безмолвия.

Самая крупная из гноллов, самка, мягко шагнула вперед. Ростом она превосходила Арама всего на несколько сантиметров, однако крепка была, словно дуб. Могучие плечи, короткая морда, ухмыляющаяся пасть полна игольно-острых зубов... В одном из ее островерхих ушей красовалось перо, другое было украшено маленьким золотым колечком. Вооружена она была, подобно Грейдону, боевой дубиной из осененного луной дерева, окованной железом, но, в отличие от дубин ее сотоварищей, лишенной заостренных металлических шипов.

– Это Клекоть, матриарх стаи Лютохвостов, – шепнул Грейдон. – Я уже имел удовольствие встречаться с ней.

– И сумеешь выжить, чтобы рассказать об этом? – усомнился Арам, вызвав лукавую улыбку на лице Грейдона и злобный косой взгляд со стороны Макасы.

Тем временем Клекоть двинулась по кругу влево. Грейдон шагнул вперед и пошел по кругу вправо. Арам заметил, как гарпун Макасы на сантиметр приподнялся над песком, но капитан, тоже заметивший это, едва заметно покачал головой, и Макаса вновь опустила свое метательное оружие с зазубренным железным наконечником к ноге.

Арам попытался сглотнуть, но во рту пересохло, точно в пустыне. Попробовал сделать вдох, но – словно разучился дышать. Не то, чтоб он уж очень заботился о папаше, однако ему вовсе не хотелось, чтобы капитан Грейдон Торн погиб в бою с этим чудищем. В предвкушении схватки сердце в груди Арама пустилось вскачь, но все же взмах дубин и рывок вперед застал его врасплох.

Боевые дубины ударили одна о другую с сокрушительной силой, железо оковки зазвенело громче судового колокола «Волнохода». Крутанувшись на месте, Грейдон ударил еще раз, но Клекоть, толкнувшись мощными задними лапами, подскочила вверх, пропустив под собой подсекающий горизонтальный удар, и тут же, еще до того, как ее лапы коснулись земли, ударила сверху вниз. Но капитан Торн сжался в комок, кувыркнулся вперед, и удар его противницы пришелся в пустоту. Ее дубина врезалась в песок. Песчинки так и брызнули во все стороны, включая разинутый рот и широко распахнутые глаза Арама. Тот поперхнулся, закашлялся и принялся отчаянно отплевываться. Из глаз хлынули слезы. Крепко зажмурившись, он начал протирать глаза и на некоторое время перестал следить за схваткой.

Несколько раз моргнув, Арам прислушался в ожидании глухого, влажного хруста сокрушаемых костей или пронзительного крика боли, но услышал лишь еще один звонкий, точно удар колокола, лязг железа о железо. Наконец в глазах у него прояснилось, и он увидел, как дубина отца взмыла вверх и пронеслась в каком-то миллиметре от подбородка Клекоти. Та отшатнулась, но тут же восстановила равновесие и взмахнула дубиной, направляя сокрушительный удар в грудь капитана, прежде чем он успеет опустить свое оружие и защититься. Но капитан Торн оказался для нее слишком проворен. Его дубина обрушилась вниз и не просто отразила удар, но разнесла оружие матриарха гноллов в щепки и переломилась пополам.

Оба бойца замерли в паре метров друг от друга, сжимая в руках древки сломанных и потому бесполезных дубин, тяжело дыша и яростно сверкая глазами.

– И что теперь? – хотел было шепнуть Арам Макасе, но изо рта, пересохшего от песка, раздался лишь неразборчивый хрип.

Однако Макаса все равно раздраженно цыкнула на него.

Тут капитан Грейдон Торн запрокинул голову и захохотал. Казалось, смех его эхом отдается за спиной. Резко обернувшись, Арам увидел Дургана Однобога, стоявшего у борта и тоже хохотавшего от души. Тогда он снова обернулся – поглядеть, что там с Клекотью. Та, приподняв губу, издала басовитый рык... тут же перешедший в резкий клекот, благодаря которому матриарх, очевидно, и получила свое имя. Вскоре все вышедшие на берег гноллы хохотали,

завывали и ухали вместе с Грейдоном, Клекотью и всей командой «Волнохода». Похоже, только ошеломленный Арам да мрачная Макаса не разделяли общего веселья.

Клекоть хлопнула Грейдона по спине – таким же сильным, дружелюбным хлопком, какими награждал Арама Однобог – и указала в сторону Арама обломком дубины. В ответ капитан Торн что-то шепнул ей на ухо. Клекоть кивнула и вновь зашла в припадке визгливого клекота. Щеки Арама жарко вспыхнули, и, видя, как сын раскраснелся от ярости, отец Арамара Торна подавился остатками смеха. На миг его лицо погрустнело, но эта непонятная Араму боль тут же скрылась под прежней довольной миной.

– Поторгуюем?! – оживленно воскликнул он.

– Еще бы! – во весь голос ответила Клекоть между еще одним изумленным взглядом на Арама и новым приступом клекота.

Она махнула своим, и те вынесли на берег объемистые тюки, завернутые в огромные листья гуннеры. Грозный с виду самец с множеством украшений в ушах, веках, ноздрях и губах водрузил один из тюков на бочку и бережно отвернул толстый, но гибкий лист. Внутри оказались длинные полосы копчено-вяленого мяса.

– Вяленый мясо вепря, – пояснила Клекоть. – Самый лучший у Лютохвосты. Шестнадцать тюков. И дюжина – каменношкурый треска.

Капитан Торн поскреб в бороде, а Клекоть стукнула сжатой в кулак лапой по бочонку и прислушалась к плеску рассола внутри. И тут Арам увидел, как из ее пасти потекли слюнки – буквально закапали на песок!

– Тут то, что я думать? – жадно спросила она.

– Оно самое, – кивнул Грейдон, скovyривая крышку с верхнего ящика и извлекая из него выщербленное лезвие топора. – А вот четыре ящика готовых шпор.

Клекоть улыбнулась во всю пасть.

– Торн из Торнов, – сказала она со смехом.

Но в ее взгляде Арам заметил и кое-что, кроме веселья – внезапную нервозность, причину которой он не сумел понять.

Однако отец владел ситуацией намного лучше.

– Итак, матриарх, ты сама видишь, как много сокровищ я привез на продажу. Но шестнадцать и дюжина... Ты ведь понимаешь, что этого мало.

Клекоть зарычала. Арам увидел, что Макаса поудобнее перехватила гарпун. Но рык завершился кряхтеньем и взмахом лапы, и вскоре из джунглей появились новые тюки.

– Двадцать и двадцать, – пролаяла Клекоть. – Ни один больше. Последний слово.

– Идет! – согласился капитан, и все – обе договаривающиеся стороны, включая даже Макасу – разразились радостными возгласами.

Даже Арам поддался общему настроению, но слегка опоздал. Возглас Арама прозвучал секундой или двумя позже остальных, заставив его смутиться. К еще большему его смущению Клекоть снова засмеялась и, указав на него, спросила:

– Твой парнишка малость тугодум?

– Нет. Просто новичок, – ответил Грейдон, взглянув на Арамара.

Скрестив руки на груди, Арам наградил своего старика сердитым взглядом.

– Что? – спросил отец. – Новичок... Что в этом обидного?

Его сын подавил желание закатыть глаза, и вместо этого лишь покачал головой.

Тем временем бочонок был вскрыт. От резкой вони маринованных яиц Арама едва не вырвало – и даже негибаемая Макаса слегка позеленела с лица. Но Клекоть и прочие Лютохвосты взвыли от восторга. Шлепнув по лапе рослого самца, потянувшегося к бочонку, матриарх выпустила когти, запустила лапу в рассол и осторожно извлекла из бочонка первое яйцо. Подняв яйцо ввысь, словно восхитительный бриллиант, она целиком уронила его в пасть и

даже головой замотала от наслаждения. Разом забыв о тошноте, Арам изумленно вытаращил глаза.

– Для гноллов эти яйца – настоящий деликатес, – сказал Грейдон.

Арам вздрогнул. Он и не заметил, как отец оказался у него за спиной. Несмотря на свои внушительные размеры, Грейдон Торн был поразительно легок на ногу.

– Сам вижу, – сказал Арам, стараясь говорить как можно холоднее и равнодушнее.

Однако в схватке с мальчишеским любопытством желание отдалиться от отца было заранее обречено на поражение. Увидев, как гноллы, вскрыв ящики, ахают и охают над сломанными лезвиями и старыми гвоздями для лошадиных подков, он не успел вовремя остановиться и вскинул на Грейдона вопросительный взгляд.

– У Лютохвостов нет металлургии, – пояснил Грейдон, продев руки в рукава своего кожаного плаща и скидывая плечи, чтобы плащ лег, как нужно. – Нет кузниц, как у твоего друга Глэйда.

Конечно, Грейдону Торну не стоило бы называть Робба Глэйда «другом» Арама, но на этот раз Арам решил промолчать.

– Однако, – продолжал отец, – вбить гвоздь, или лезвие топора, или острие ножа в боевую дубину и тем утроить наносимый врагам урон им вполне по силам. Для гноллов все эти куски железа – на вес золота.

Арам поднял бровь.

– Значит, ты надуваешь их? Обманом всучиваешь им никчемный хлам в обмен на...

Здесь он запнулся в смущении. В обмен на что? На вяленое мясо вепря? На вяленую треску? На взгляд Арама, сорок тюков того и другого вряд ли стоили дороже бочонка этих мерзких яиц.

– Никто никого не надувает, – ответил Грейдон терпеливее, чем Арам того заслуживал. Вытащив из-под рубашки компас на цепочке, капитан «Волнохода» рассеянно уронил его на грудь. – Что для человека – хлам, то для гнолла – клад.

– А то, что для гнолла – копченое мясо?

– Тоже своего рода клад – для кентавра, таурена и свинобраза из Живодерни.

– Свинобразы едят вяленое мясо вепря?

– Да, некоторые – едят. Но чаще берут треску.

Арам – едва ли не в восхищении – покачал головой.

– Да ты зарабатываешь на этих сделках целое состояние, ведь правда?

Восхищение вовсе не относилось к типичным реакциям Арама на отца, и Грейдон радостно улыбнулся – на подобные лакомства его сын был скуп.

– Небольшое состояние, – пожав плечами, ответил капитан.

– Но если вы друзья, и все по-честному, зачем вам с Клекотью понадобилось драться?

– Гноллы не любят людей. Возможно, потому, что и многие люди не любят гноллов. Клекоть не может торговать со мной на глазах всей стаи, пока я не докажу, что достоин ее уважения.

– Так, значит... все это было только для виду?

– И да и нет. Знаешь, Арам, любого нужно видеть таким, каков он есть, а не таким, каким его учат считать старики из Приозерья. Гноллы – народ воинов. Весьма своенравных и неуживчивых воинов, к стати сказать. И отличить пантомиму от настоящего боя способны даже их щенки. Вот потому-то мы и бились. Взаправду. Но, как ты мог заметить, на наших боевых дубинах не было ни острых наверх, ни шипов.

– Ага, но все же это были боевые дубины! Тебя все же могли убить!

– Хочешь сказать, тебя это волновало? – сказал Грейдон, все еще улыбаясь.

Но Арам просто принял недовольный вид.

– Я не хочу твоей смерти, Грейдон, – сказал он, прекрасно зная, что отец терпеть не может, когда собственный сын обращается к нему по имени. – Я просто хочу вернуться домой.

– Знаю, сынок, – вздохнул Грейдон. – Но сейчас тебе нужно быть именно здесь.

Ласково потрепав сына по плечу, он двинулся к заливающейся клекочущим смехом Кле-коти.

Только после этого Араму пришло в голову, что все это время Макаса была рядом, а, значит, видела – а, может, и слышала – весь разговор. Повернувшись к ней, он наткнулся на ее свирепый взгляд. Макаса тут же отвернулась, но на секунду Араму почудилось, будто ей грустно.

Всю ночь они провели на берегу, празднуя завершение торговли вместе с гноллами. Однобог и вся остальная команда сошли на берег с бочонком громового эля и присоединились к празднеству. Капитан Торн разрешил распаковать один из тюков вяленого мяса вепря и разделить его между командой и гноллами, однако сдержанно кивнул Мозу Кантону, судовому квартирмейстеру, велел присмотреть за тем, чтобы остальные тридцать девять тюков были в целостности и сохранности подняты на борт.

Арама вновь одолело любопытство – ему не терпелось попробовать этот «клад», и он внимательно следил за Джонасом Коббом, корабельным коком, расхаживавшим среди людей и гноллов и раздававшим угощение. Старина Кобб, конечно же, не спешил – да еще двигался сквозь толпу по очень странному и замысловатому курсу, предлагая полоски вяленого мяса гноллам, жавшимся к лесной опушке. Вдруг Арам увидел, что Кобб скрылся в лесу. Минуту, а то и три, его не было, а остальные увлеченно следили за Однобогом, щедро разливавшим эль, но, стоило Араму подняться на ноги, чтобы поделиться со всеми своим беспокойством за старика-повара, как седая голова Кобба показалась из леса в дюжине ярдов от того места, где он вошел в заросли. Он снова принялся раздавать угощение и, наконец, добрался до Арама.

Арам попробовал полоску вяленого мяса. Мясо оказалось таким жестким, что он едва не вывихнул челюсть, пытаясь оторвать кусочек. Но как только оно оказалось во рту, Арам не смог не оценить его по достоинству – пряное, ароматное, и даже крохотный кусочек, как бы усердно он ни жевал, продержался почти полчаса. Теперь-то Арам понял его истинную цену. Или, вернее, распробовал.

Жуя, он достал свой блокнот – небольшую книжечку из некогда чистых листов пергамента, переплетенных в кожу, которую носил в заднем кармане штанов, заворачивая в непромокаемую ткань. Это был подарок приемного отца, Робба Глэйда, и обошелся он кузнецу в целую кучу денег. Самое малое в два дня – если не целую неделю – работы. Блокнот был самым ценным имуществом Арама – отчасти потому, что рисовать он любил едва ли не больше всего на свете. Но, кроме этого, блокнот служил наглядным доказательством веры Робба в талант приемного сына. Конечно, и мать и отчим настаивали, чтобы Арам выучился кузнечному ремеслу. В конце концов, мужчина должен зарабатывать себе на жизнь. Однако Робб понимал и то, как важна для Арама возможность самовыражения, и никто не радовался так, как кузнец, когда Арам украсил первую страницу блокнота портретом большого и сильного Повелителя Кузни с улыбкой на лице.

Сейя, Робб, Робертсон, Селия и Чумаз

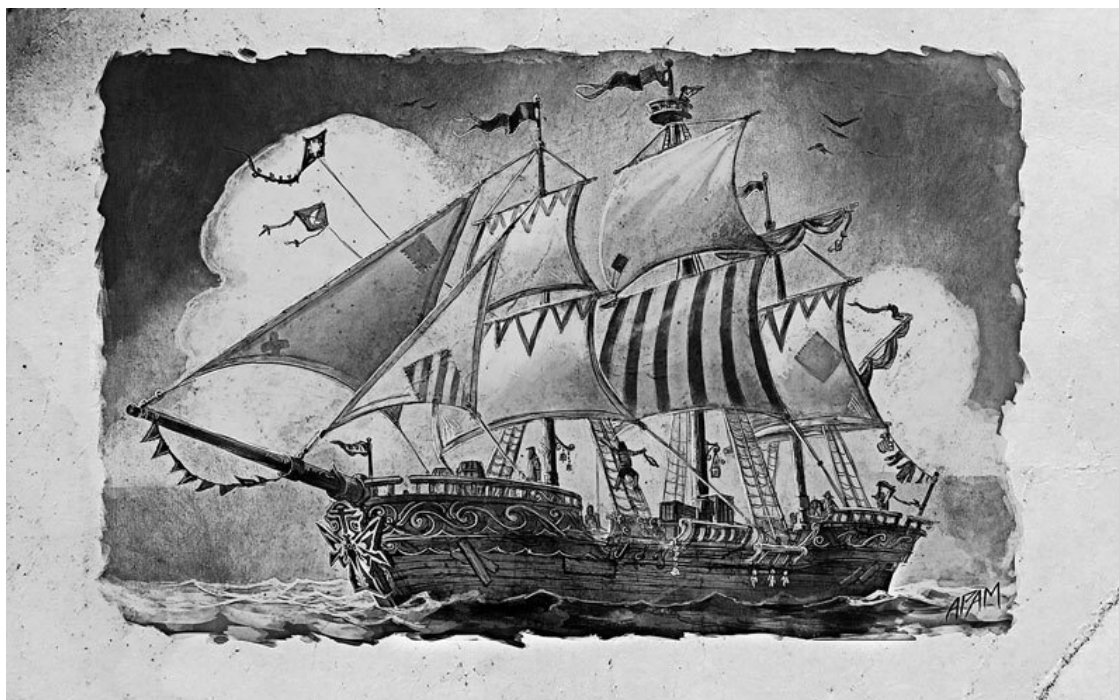

Арам перелистал блокнот. Первые страницы занимало его родное Приозерье: несколько городских видов, несколько зарисовок с берегов озера Безмолвия, да кузница Робба. Горстка изображений животных: животные куда меньше склонны смирно сидеть на месте. Но, несмотря на это, в блокноте имелась пара лошадей, мул и одноглазый котяра, которого поневоле пришлось дорисовывать по памяти. И, конечно же, два или три портрета Чумаза. Но в основном

блокнот был заполнен людьми – особенно семьей Арама. Кроме портрета отчима, здесь были три портрета матери, два – сводных сестры и брата, Селии и Робертсона, плюс групповой портрет всех четверых. Был даже сделанный при помощи зеркала автопортрет Арама, потребовавший многих часов упорной работы карандашом, ластиком и снова карандашом, так что пергамент на этой странице сделался тоньше ресницы, однако даже после стольких трудов этот рисунок нравился Араму меньше всех остальных. Возможно, для посторонних глаз сходство и вышло потрясающим, но сам Арам неизменно чувствовал, что так и не сумел ухватить свое истинное «я».

Примерно на трети блокнота тематика зарисовок сменилась с Приозерья на «Волноход», начиная с продольного изображения самого корабля. «Волноход» был прекрасным, надежным торговым судном – переделанным из небольшого фрегата, старым, но легким в управлении и содержащимся в полной исправности. Да, его обшивку многократно латали, но латали на совесть. Тридцать метров в длину, три мачты, команда из тридцати человек, но – ни единой пушки: как говорил капитан, торговые партнеры всегда должны быть уверены, что Грейдон Торн и его корабль явились к ним с миром.

Самой необычной чертой «Волнохода», удостоенной отдельной страницы, была странная носовая фигура из красного дерева: крылатое создание неизвестного происхождения и ни мужского ни женского пола, состоявшее из множества отполированных, потемневших резных граней – сплошные углы и всего несколько кривых. Честно говоря, Арам считал ее неприглядной и грубой по сравнению с превосходно вырезанными эльфийскими и человеческими женщинами, украшавшими корабли, которые он видел в порту Штормграда. Носовая фигура «Волнохода» не принадлежала судну изначально, а была вырезана всего четыре года назад корабельным плотником Ансельмом Тисом, как-то рассказавшим Араму, что фигура была сделана согласно исключительно точным и подробным указаниям самого капитана Торна. Но если хоть кто-то из команды и знал, что она может означать, никто в этом не признавался. Спрашивать же отца Араму не хотелось – порой он полагал, что это доставит отцу слишком много радости, а иногда опасался, что отец просто отмахнется от расспросов сына.

В блокноте Арама также имелось множество портретов Однобога, пять-шесть портретов Дуань Фэнь и хотя бы по одному – почти всех остальных членов команды. И даже неоконченный портрет самого капитана – этот рисунок очень нравился Араму, пока отец, заметив, что сын рисует его, не предложил постоять смирно и попозировать. Уж тут-то Арамар Торн немедленно захлопнул блокнот и сунул его в карман!

Единственным человеком на борту, которого Арам не рисовал ни разу, была – что неудивительно – второй помощник капитана Макаса Флинтвилл. Вот и теперь, увидев, что он достает из кармана рубашки угольный карандаш, она снова рыкнула на него:

– Лучше и не думай помещать меня в эту треклятую книжонку!

И он ответил, как отвечал на эту скрытую угрозу всегда, в который уж раз повторив:

– Обещаю, что не стану рисовать тебя, пока сама не попросишь.

Это вполне устраивало их обоих – ведь оба они знали, что Макаса никогда не попросит об этом, а желания сохранять образ своей извечной гонительницы для истории у Арама было не больше, чем у нее самой.

Куда интереснее было нарисовать матриарха гноллов. А потом – того самого самца с множеством украшений в ушах, ноздрях, губах и веках, которого прочие гноллы называли «громиллой». А потом – маленького щенка гноллов. Нарисовать для юного художника означало – понять. Оказаться в их шкуре, ощутить их мускулы, проникнуть мысленным взором в строение костей – и перенести все это на страницу блокнота. По первым впечатлениям Арам решил, что Клекоть – чудовище. Теперь он понимал, что перед ним просто еще одно живое существо – совсем как Чумаз или тот одноглазый кот. Совсем как Дурган Однобог. Совсем как сам Арамар Торн.

Увидев, как Арам рисует щенка, Клекоть подошла к нему, наклонилась и заглянула в блокнот. Затхлый запах псины от ее шкуры не на шутку отвлекал – пока Клекоть не издала резкий лающий смех и не пролаяла, повернувшись к Грейдону:

– Твой парнишка совсем негодный!

Сам не зная, отчего – от злости или от смущения – Арам покраснел.

Но вскоре Клекоть, все еще хихикая, опять склонилась над страницей. Поглядела на перевернутую вверх ногами картинку в блокноте Арама. Перевела взгляд на припавшего к земле щенка. Снова взглянула на рисунок...

Матриарх Клекоть

Коротко рыкнув, она обогнула Арама и так низко склонилась над его плечом, что щеку обдало ее жарким дыханием, а по ноздрям ударило благоухание всех двадцати восьми сожраных ею яиц. Острые-острые клыки в любую секунду могли бы отхватить ему ухо, а то и что-нибудь посерьезнее, но Арам и не шелохнулся. Теперь он понимал ее и сидел неподвижно. Клекоть еще раз пригляделась к нарисованному щенку, и ее дыхание заметно замедлилось.

– Перевернуть лист, – хрипло шепнула она.

Арам перевернул страницу, показав ей нетронутый лист пергамента. Но Клекоть зарычала:

– Нет. Нет новый лист. Старый лист.

Кивнув, Арам перелистнул страницу назад.

Макаса наблюдала за происходящим, держа руку на рукояти абордажной сабли. Однобог начал было громогласно рассказывать очередную байку, но Грейдон, отметив, что происходит нечто необычное, опустил руку на плечо своего первого помощника, и дворф, не прекращая улыбаться, умолк. Грейдон кивнул – точно так же, как перед этим Арам. Даже хихикавшие гноллы стихли, устремив взгляды на своего матриарха и мальчика с блокнотом.

Арам добрался до нарисованного громилы. Клекоть коротко глянула на настоящего громилу и насмешливо кашлянула, будто имея в виду, что этот гнолл – лишь жалкое подобие Арамова рисунка.

– Перевернуть лист, – снова сказала она. – Старый лист.

Арам перелистнул еще страницу назад, и Клекоть увидела саму себя, нарисованную углем. Со свистом втянув в себя воздух, она затаила дыхание. Целую минуту стояла тишина.

Наконец Клекоть выдохнула, выпрямилась и подняла взгляд на отца Арама.

– Добрый магия, – только и сказала она, и Грейдон ответил ей новым кивком.

Клекоть снова склонилась над плечом Арама и снова сказала:

– Перевернуть лист.

Арам перелистнул еще одну страницу. На предыдущей оказался неоконченный портрет Грейдона. Клекоть наморщила лоб.

– Твой не закончить.

– Нет, – подтвердил Арам.

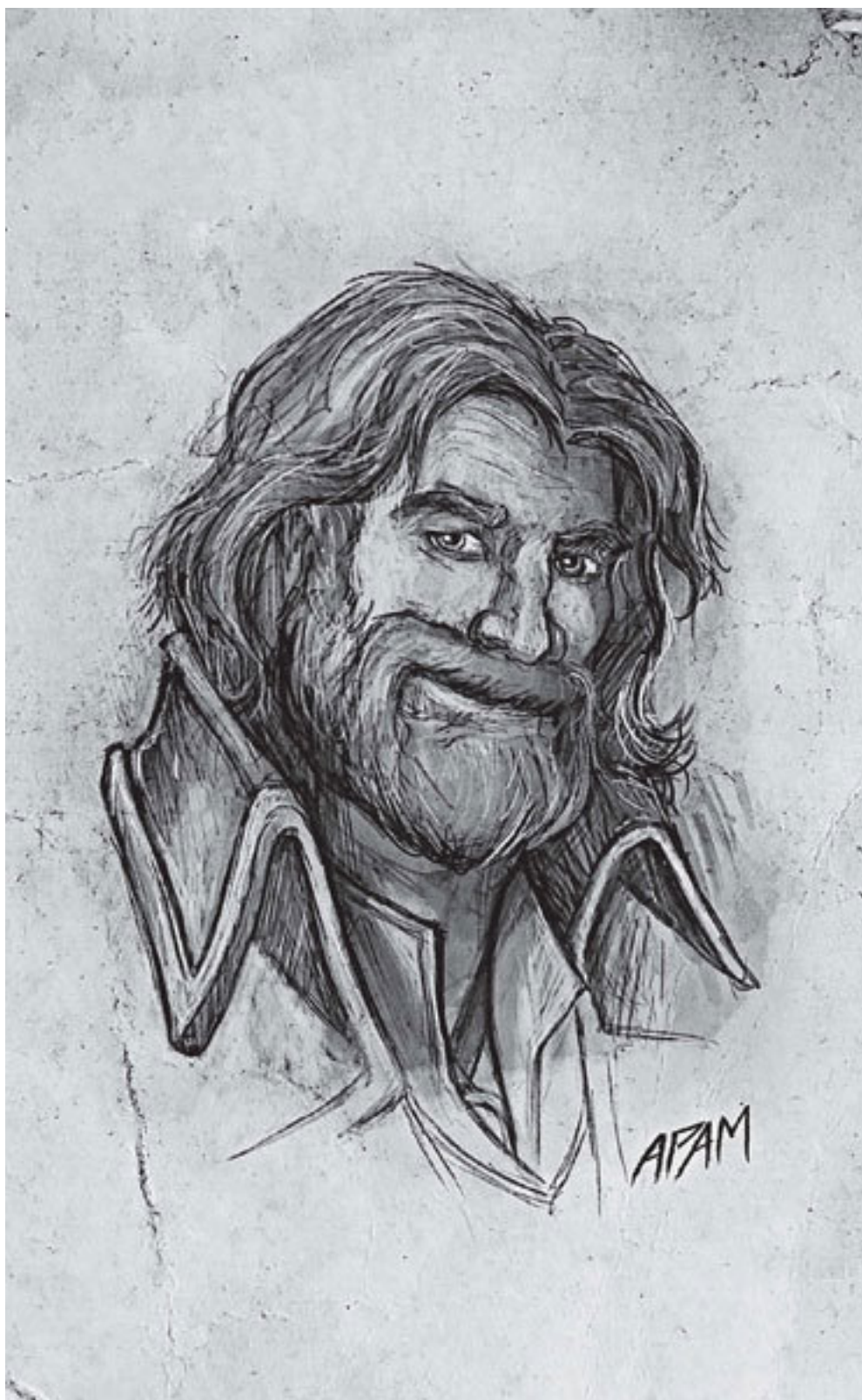
– Твой закончить. Твой закончить отец.

– Я...

– Нет. Твой закончить, мальчик.

Клекоть двинулась прочь, качая головой и бормоча:

– Мальчик должен закончить. Мальчик должен закончить. Не то – злой магия.

Грейдон Торн

Глава третья

Пернатые обитатели Азерота

– Арамар Торн, будь ты неладен! Проснись!

Шлеп! Стон. Рывок. Бум. Уй-и!

Второе утро подряд Арамар начал свой день на полу, одной рукой потирая шишку на лбу, а другой – ушибленный зад.

Макаса свирепо взирала на него сверху вниз.

– Твой отец сказал, что тебе пора на урок. Вставай – и марш на палубу.

Чаще всего утренний подъем Арама именно таким порядком и проходил, и потому – как бы второй помощник капитана ни настаивала на спешке – сегодня он не чувствовал такой надобности торопиться, как вчера. Нет, тянуть время он не стал – просто, не спеша, оделся, умылся и почистил зубы. Однако через несколько минут он уже был на палубе с абордажной саблей у пояса. Капитан стоял у руля, небрежно положив руку на колесо штурвала. В другой руке он держал компас на цепочке, который носил на шее. Взглянув на него, Грейдон сделался каким-то... странно разочарованным. Разжав пальцы, он уронил компас на грудь и устремил взгляд в волны Сокрытого моря.

«Волноход» шел на юг, огибая западный берег Калимдора. Это было все, что Арам знал о текущем местоположении судна, не считая столь выдающегося факта, что, где бы они ни были, до родного дома невероятно далеко: и Приозерье и Восточные королевства находились прямо в противоположном полушарии.

Арам отвернулся от отца. Слева по носу был виден берег, поросший лесом. Лесные заросли напомнили о доме, и Арам с тоской подумал о том, как может называться этот лес.

Будто заглянув в мысли мальчика, Дурган Однобог сказал:

– Местные зовут его Последним лесом. Последним лесом Пустошей. Может, так оно и было – давным-давно. А живут здесь, как ты уже знаешь, гноллы из стаи Лютохвостов, а еще – таурены Железного Копыта, кой-какие разрозненные орки, тролли, гоблины, да еще горстка кочевых племен свинообразов. Ну, и прочие зверушки порой встречаются.

– Вроде детей Единой Истинной Богини? – поддел друга Арам.

Однобог расхохотался, хлопнул Арама по спине и ответил:

– В нехватке воображения Эонар, Хранительницу Жизни, не упрекнешь!

«Да уж, – подумал Арам. – Разве что в нехватке сострадания или разума». В самом деле, как, ну как один-единственный «бог» мог создать такой мир, такую мешанину из войн Орды с Альянсом, из бродящей по земле нежити наподобие Отрекшихся, не говоря уж о прочих кошмарах, таящихся даже у границ относительно мирного родного Приозерья? Нет, верно говорил Робб Глэйд: «Ясное дело: Азерот создан целой уймой титанов и духов, и каждый из них имел собственные цели и желания, и каждый по-своему напортачил». Но Арам не стал говорить об этом. Однобог нравился ему, несмотря на странную веру в одно-единственное божество, которой, как признавал и сам Однобог, не разделял больше никто. Отчего Дурган выбрал Эонар, отрекшись от всех остальных титанов, оставалось для Арама загадкой – вместе с причиной, побудившей едва умеющего плавать дворфа отправиться в море. Однако странности Однобога только придавали ему обаяния, и Араму вовсе не хотелось всерьез сомневаться в его вере, рискуя вбить между ними клин.

Однобог обнял Арама за плечи могучей ручищей и заговорил тихим, едва ли не заговорщическим шепотом:

– Гляди: Хранительница Жизни любит разнообразие. Должно быть, поэтому она и создала меня крепким и сильным... а тебя таким жалким слабаком!

С этими словами дворф затрясся в громоподобном хохоте.

Арам было закатил глаза, но тут же поспешил оглянуться вокруг – не видит ли этого Макаса. И, конечно же, Макаса оказалась здесь – испепеляла его свирепым взглядом, кипя от ярости. О боги, эта Флинтвилл была настоящей мукой! А еще от нее никуда было не деться. Она была везде. Всюду. Вездесущая. А, может, вдобавок всеведущая и всемогущая. Возможно, Макаса Флинтвилл и была той самой Единой Богиней. По крайней мере, вела себя именно так, будто это она и есть.

– Всевердоносная, – пробормотал Арам себе под нос – так тихо, что никто бы и не услышал.

Однако лицо Макасы сделалось мрачнее прежнего, и Арам гулко сглотнул.

Между тем хохот Однобога привлек внимание всех, кто находился на палубе, включая и капитана Торна. Оглянувшись, он увидел Арама и окликнул его:

– Сынок, принеси из каюты мою абордажную саблю, и начнем урок!

Арам развернулся и зашагал прочь, очень недовольный приказом отца. В одну-единственную фразу Грейдон ухитрился вместить почти все, что так не нравилось Араму в его нынешнем положении. Он находился на борту «Волнохода» против собственной воли. Вынужденный подчиняться каждому слову и жесту капитана Торна, будто какой-то раб на галерах, он был лишен любых преимуществ своего положения, так как не был в команде – в морском товариществе – своим! Числился в юнгах при каюте капитана, но Грейдон Торн был не из тех, кому нужен личный слуга или лакей, да и Арам вряд ли сгодился бы на такую должность на любом другом корабле. Да, он справлялся с работой, не требовавшей особых умений – обычно выполняя распоряжения Макасы Флинтвилл. Но постоянных обязанностей у него не было, и это вовсе не внушало остальной команде симпатий к нему – ведь на корабле о каждом судили по его делам.

Но *настоящая* роль Арамара Торна называлась «капитанский сынок» и сама собой отделяла его от всех прочих членов команды. Нет, никто – за исключением Макасы – не проявлял к нему особой нелюбви. Однако лишь Однобог вел себя с ним свободно и открыто. Остальные, в лучшем случае, держались настороженно. «Ну конечно, не станут же они осуждать капитана при его единственном сыне!» Подумав так, Арам однажды сам попробовал раскритиковать Грейдона Торна, но остальные тут же замолчали. «Наверняка подумали, что я заманиваю их в западню», – решил Арам. Мысль о том, что причиной могла быть любовь, восхищение или уважение к капитану, ему и в голову не пришла.

Дурган Однобог

И – так, на всякий случай, если вдруг всех прочих бед окажется мало – Грейдон Торн взялся учить Арама по собственной программе: бесконечные уроки фехтования, перемежающиеся рассказами об истории Азерота, о его культурах и расах и даже о его флоре и фауне. С последующими проверками усвоенных знаний. И все это – посреди палубы, чтобы все огрехи

Арама оказались на виду у всех, от Дуань Фэнь в «вороньем гнезде» до Старины Кобба на камбузе.

Войдя в капитанскую каюту, Арам от души хлопнул дверью – и только после этого увидел, что он здесь не один. У стола Грейдона Торна стоял Джонас Кобб, собиравший на поднос грязную посуду, оставшуюся после завтрака, и шумное вторжение Арама едва не заставило старого чудака выпрыгнуть вон из кожи. Скрывая смущение, Кобб разразился изрядной порцией брюзжания:

– Да ты в своем ли уме? Куда этак ломишься? Так-то в твоём захоlustье учат входить в каюту офицера?!

И так далее, и так далее... Тирада Кобба продолжалась еще какое-то время, но в конце концов он ушел – с подносом в руках и обидой на «безмозглых невоспитанных мальчишек, знать не желающих о приличиях».

Абордажная сабля Грейдона висела на переборке, на самом виду, но Арам вовсе не торопился возвращаться и потому позволил себе оглядеть каюту.

Кабюта капитана – точно так же, как и его трюмы – была полным-полна никчемного хлама, только здесь этот хлам был выложен на всеобщее обозрение. Несмотря на то, что отец, скорее всего, был бы доволен этим, Арам попробовал взглянуть на все эти «сокровища» глазами Грейдона.

Здесь был грубый глиняный макет какого-то древнего города. Множество разнообразного старого оружия, включая и ту самую сломанную боевую дубину. Залежи карт и схем с заметками и расчетами Грейдона на столе. Большая оловянная кружка с крышечкой, полная игральных костей. В углу стола высилась пирамида из колод игральных карт – каждая колода была завернута отдельно. Резной деревянный дракон. Костяной кракен. Маленький железный конь, поднявшийся на дыбы. Деревянный ящик, полный камней. Нет, не камней! В ящике что-то блеснуло, отразив солнечный луч, и Арам опустил на колени – поглядеть, что там. Один из «каменей», расколотый пополам, оказался жеодой с друзами сверкающих белых кристаллов внутри. Остальные жеоды – синие, красные, оранжевые внутри – таили в себе такую же красоту. На миг Арам подумал, что неплохо бы расколоть еще один камень и посмотреть, что у него внутри. Пришлось даже встать и отойти – подальше от соблазна.

Одна из стен была целиком занята книжными полками. Из ряда корешков выступала на пол-ладони большая – заметно больше других – книга. Арам оглянулся через плечо, не на шутку опасаясь, что сзади, наблюдая за ним, стоит Флинтвилл. Убедившись, что в каюте нет никого, кроме него самого, он снял с полки книгу и принялся листать ее, страница за страницей. Внутри оказалось множество птиц, нарисованных от руки – корольков и воробьев, скворцов и соек. Арам пришел в восторг. Кто-то не пожалел времени, чтобы зарисовать и даже раскрасить каждое из этих крылатых созданий, не упустив ни единой детали! На каждой странице имелись и заметки о местах обитания и повадках нарисованной птицы. «Солоноводная чайка, ныряет за рыбой с прибрежных скал Калимдора», «этот падальщик гнездится в Красногорье» и т. п. Мастерству художника – некоего Мавзоля из Прибамбаска – оставалось только завидовать, а тот факт, что Мавзолю пришлось объехать весь мир, чтобы отыскать всех этих птиц, заставил Арама впервые взглянуть на собственное плавание как на новые возможности, а не просто наказание.

Он мог бы листать этот огромный том часами, изучая манеру художника и даже запоминая содержание, но его ждали на палубе. Закрыв книгу, мальчик хотел было поставить ее на место, но тут из нее выпорхнул листок пергамента, лежавший между страниц. Арам попытался подхватить листок на лету, но промахнулся.

Нагнувшись за упавшим листком, Арам увидел, что на нем тоже нарисована птица, но совсем не такая изящная, как собранные под переплетом рисунки Мавзоля – нет, то был просто грубый детский рисунок. Причем – нарисованный не просто каким-то ребенком. Автором

этого произведения был вполне определенный ребенок – Арамар Торн, шести лет. За секунду до этого Арамар даже нарочно не смог бы вспомнить тот вечер, но при виде листа пергамента в руке воспоминания понеслись вскачь...

Арам у камина, на коврике, рисует углем и, закончив, отдает рисунок отцу.

– Это птенчик, – сказал мальчуган.

– Я вижу, – ответил Грейдон. – Прекрасный птенчик.

– Это тебе на птеньрождение.

– Но сегодня не мой день рождения. День рождения – у тебя, да и то только завтра.

– Нет, завтра – мой ДЕНЬ рождения. А сегодня у тебя – ПТЕНЬ-рождение!

И Арам рассмеялся, найдя это утверждение невероятно забавным – к легкому недоумению Грейдона и Сейи. Но чем больше он хохотал, тем смешнее казалась родителям его шутка. Смех Арама оказался таким заразительным, что вскоре все трое катались по коврику у камина. Хотя, возможно, тут не обошлось и без щекотки...

Арам был поражен. Грейдон Торн сохранил его рисунок! Его неуклюжие, никчемные каракули Грейдон ценил наравне с искусством Мавзоля из Прибамбасска, если хранил их в книге с работами этого великого мастера!

Бережно вложив картинку в книгу, Арам вернул толстый том на полку, сорвал со стены отцовскую абордажную саблю и поспешил наверх.

Глава четвертая

Этюд в багровых тонах

В этот день учеба пошла очень даже неплохо.

Тронутый тем, что Грейдон сохранил его детский рисунок, Арамар воспринимал науку отца охотнее, чем обычно. Вначале, конечно же, скрес-тили клинки. И, хотя за последние шесть месяцев Арам не проявлял никакого интереса к абордажной сабле, сегодня он – практически невольюно – показал кое-какие успехи. На этот раз, с новой охотой к учению, он отбил или парировал первые пять выпадов Грейдона. А затем – еще пять. И еще пять.

Все это не укрылось от внимания остальных. Макаса сохраняла мрачный вид, скорее, по привычке, и взгляд ее сделался совсем не таким уж колючим. Том Фрейкс, рулевой, одобрительно кивнул. Шестеро или семеро палубных – Кассиус Микс, Дезамир Феррар, Мэри Браун, Шайлер Ли, гном Зубб Пальфитиль и прочие – собрались вокруг (хотя обычно бывали так удручены неумелостью Арама, что, не скрываясь, отворачивались). Однобог захохотал и закричал, что капитан «в нешуточной опасности – того и гляди, вспотеет». Приятно удивленный собственными успехами, Арам подумал – и даже понадеялся, – что с высоты «вороньего гнезда» на него смотрит и Дуань Фэнь.

Не прекращая учебного поединка, Грейдон приступил к очередному уроку – и начал с гноллов:

– Они – воинственный народ, – сказал капитан, – и склонны драться с кем и когда угодно. Даже между собой. Я сам видел, как двое гноллов всерьез взялись за топоры, поспорив, чья тень длиннее.

– Из-за тени? Но это же...

– Именно. Итак, есть ли хоть какой-то смысл работать с ними, торговать с ними, пытаться подружиться с ними? Возможно, было бы лучше истребить их под корень. Перебить, как собак. В конце концов, по нашим понятиям они и выглядят и даже ведут себя, точно невоспитанные бешеные дворняги с пеной из пасти.

– Подожди, подожди... – сказал Арам, парируя очередной удар – на сей раз уже не так легко и изящно.

Конечно, Арам понимал, к чему клонит отец. Тот уже не в первый раз заговаривал с ним о существах различных рас, используя этот подход. Грейдон Торн всегда – неизменно – считал, что в любом живом существе можно найти нечто стоящее, нечто драгоценное. Сложность состояла в том, чтобы найти ответ, не прекращая орудовать саблей. Арам не настолько хорошо владел оружием, чтобы позволить себе отвлекаться.

– Подождать? – переспросил Грейдон. – Зачем? Что могут предложить нам гноллы?

Арам запыхался. У него пересохло во рту. Но все же он сумел отразить новую атаку и пропищать:

– Собаки – животные преданные.

Грейдон, уже приготовившийся сделать выпад, придержал руку. В уголках его рта таилась улыбка.

– Прощу прощения? – сказал он.

Почувствовав в его тоне скрытое поощрение, Арам заговорил увереннее:

– Ты назвал их собаками, дворнягами, псами. А ведь наш пес, Чумаз, был очень преданным. Робб говорил, что Чумаз скорее умрет, чем позволит причинить вред кому-либо из нашей семьи.

– И это значит?..

– И это значит: если обращаться с гноллами, как со своей семьей, и *показать*, что мы этого достойны, можно завоевать их преданность...

– А какой нам в этом прок?

– Гноллы – воинственный народ, – процитировал Арам в ответ. – Так не лучше ли иметь их боевые навыки на нашей стороне?

Однобог захлопал в ладоши и заорал:

– Точно!

Грейдон метнул в своего первого помощника сердитый взгляд. Однобог рассмеялся, поднял руки вверх и сказал:

– Прости, прости. Молчу.

Однако и сам Грейдон явно был доволен. Видя это, Арам продолжал:

– Кроме этого, у них есть и другие хорошие качества. Они любят посмеяться не меньше Однобога...

Смеющийся Однобог не удержался, чтобы не вставить словечко:

– Ну-ну, давай-ка не отвлекайся!

Но Торны не удостоили его ответом.

– А еще? – спросил Грейдон.

– Ну... – протянул Арам, парируя и один, и другой, и третий удар. – Они способны оценить искусство. По крайней мере, их матриарх сумела. А любой народ, способный оценить что-то настолько... настолько...

Тут он запнулся, стараясь подыскать подходящее слово.

– Бесплезное! – крикнул Том.

– Бессмысленное! – вторил ему Однобог.

– Восхитительное! – отозвалась Дуань Фэнь с вант.

Услышав, как юная впередсмотрящая восхищается капитанским сыном, вся команда, не сговариваясь, хором издала насмешливое «О-о-о!».

Щеки Арама вспыхнули, однако он был польщен. Дуань Фэнь была маленькой и тощей – совсем как мальчишка. Но на протяжении всего плавания она то и дело улыбалась ему, и откровенно обрадовалась в тот раз, когда он показал ей ее портреты. Слегка воодушевленный тем, что сумел привести ее в восхищение, Арам отразил еще один удар и, наконец, сказал:

– Облагораживающее. Ни одно живое существо, способное оценить нечто столь облагораживающее, не может быть беспросветно плохим.

– Плюс, они здорово вялят мясо, – сказал Дезамир Феррар, и остальные согласно зашумели.

Грейдон был доволен. Сегодняшний урок оказался лучшим из всех. Он чувствовал, что им с Арамом удалось достичь согласия, оставив главные трудности позади – и, правду говоря, Арам почувствовал то же самое.

Однако долго это, конечно же, продолжаться не могло.

Похвалив сына за вдумчивый анализ и мастерство в защите, Грейдон наказал ему почаще переходить к атаке и сам повел бой заметно агрессивнее.

Поначалу Арам держался, но тут дело дошло до вопросов по темам прошлых уроков.

– Какой из гоблинских картелей присоединился к Орде после Катаклизма? В какое время года гигантские черепахи Сокрытого моря выходят на берег откладывать яйца? В чем причина непрестанной борьбы между тауренами и кентаврами? Как отличить ползучий кошмарник от лазеревого корня? Какова основная пища морской выдры?

Беспощадный капитан, пусть ненамеренно, но выставлял на всеобщее обозрение пробелы в знаниях сына и, что еще хуже, его неспособность думать и драться одновременно.

– С чего гноллы начинают торговлю с представителями других видов?

Грейдон полагал, что подкидывает сыну легкий вопрос – ведь мальчик совсем недавно наблюдал это собственными глазами.

И Арам действительно прекрасно знал ответ. Но пока он с трудом подыскивал нужные слова, отец увидел брешь в его защите и кончиком клинка – плашмя – шлепнул мальчика по щеке. Арам побагровел и безрассудно ринулся в атаку. Капитан легко парировал укол сына, развернулся и снова отвесил ему шлепка – на сей раз по мягкому месту.

Лицо Арама просто-таки запылало багрянцем. Ослепленный яростью, он взмахнул саблей наугад. Попади этот удар в цель, он непременно вырезал бы вторую улыбку поперек горла Грейдона Торна. Но капитан вовремя уклонился, и клинок свистнул в воздухе, не причинив ему никакого вреда.

Дуань Фэнь

– Осторожнее, – сказал Грейдон, видя, что сын теряет самообладание.

– Осторожнее?! – огрызнулся Арам. – Как тут быть осторожнее, когда ты решил выставить меня на посмешище?

Тут мрачный взгляд Макасы вновь сделался колючим. Том Фрейкс, рулевой, печально покачал головой. Шестеро или семеро палубных – Кассиус Микс, Дезамир Феррар, Мэри

Браун, Шайлер Ли, гном Зубб Пальфитиль и прочие – не скрываясь, отвернулись. Дуань Фэнь вскарабкалась в «воронье гнездо». Однобог прекратил смех.

– Даже и не думал, – возразил Грейдон, поднимая клинок. – Тебе нужно научиться драться, невзирая на помехи. Или хочешь, чтобы с тобой нянчились?

– Значит если я пока не дорос до того уровня, какого, по-твоему, уже должен был достичь, то другого выбора у меня нет? Меня либо унижают, либо нянчатся со мной?

– Нет, речь о...

– Может, проблема в том, что я слишком поздно начал учиться? Может, в двенадцать я уже слишком стар? Может, стоило начать одаривать меня своими безграничными познаниями, когда мне исполнилось шесть?

Грейдон сглотнул. Его рука, сжимавшая оружие, медленно опустилась. Если Арам задался целью ранить отца как можно больнее, то и при помощи абордажной сабли не справился бы лучше.

– Сынок, ты ведь знаешь, что я ничего...

– Может быть, на сегодня достаточно, как ты считаешь?

– Да, – хрипло ответил Грейдон.

Развернувшись на пятке, Арам пошел прочь. Он все еще думал о том нарисованном птенце. Но теперь все это виделось ему в ином свете. Не в теплом, уютном свете камина вечером накануне его шестого дня рождения, но в холодном свете следующего утра – того самого утра, когда...

Мальчик проснулся, несколько раз моргнул, привыкая к дневному свету, и тут же – в один миг – вспомнил, что сегодня за день.

Снедаемый предвкушением праздника, он спрыгнул с кровати – можно сказать, вылетел из-под одеяла, будто арбалетный болт – и помчался к камину. Камин не горел, и это было очень странно, учитывая время года. Но еще более странными оказались доносившиеся снаружи звуки. Как был, в пижаме, Арам выглянул наружу – посмотреть, что там. На мокрой, холодной траве у крыльца сидела мать – именно она и издавала эти странные звуки. Она плакала, всхлипывала! У Арама был день рождения, а его мать плакала!

Арам не знал, что ему делать. Даже после того, как Сейя обняла сына и прижала его к себе, он не сумел придумать ничего лучшего, чем вырваться и отправиться на поиски отца, чтобы Грейдон помог матери унять слезы...

Но этого Грейдон Торн так никогда и не сделал. В конце концов Сейе удалось объяснить мальчику, что Грейдона нет, он ушел – собрал походный мешок и вышел за дверь, чтобы вернуться к жизни мореплавателя. Отказываясь верить матери, Арам пришел к убеждению, что отец похищен, украден из Приозерья орками, или троллями, или ограми. Два-три месяца спустя мальчик постарше, с южного конца деревни, пересказал ему слух о мурлоках, живущих на дальнем берегу озера. Арам, никогда не видевший ни единого мурлока, вообразил отца отданным на милость коварных чудищ с бритвенно-острыми клыками и когтями, маслянистой зеленой кожей и зловонным дыханием. Не один день провел он в поисках логова этих тварей, но так и не увидел ни одного мурлока, не говоря уж о каких-либо свидетельствах тому, что отца где-либо кто-либо держит в плену. Прошло, наверное, года два, а то и три, прежде чем Арам взаправду сумел поверить, что отец действительно ушел из дому по своей воле, что Грейдон Торн действительно бросил жену и сына – прямо в его шестой день рождения – по собственному желанию.

То, во что когда-то невозможно было поверить, теперь невозможно было забыть – не говоря уж о том, чтобы простить. Этот уход из дому стоял между отцом и сыном стеной, и оба они понимали это.

Войдя к себе в каюту, капитан «Волнохода» повесил абордажную саблю на стену и тяжело опустился в кресло у стола. Взглянул на лежавшие перед ним карты и проложенный на картах курс – и раздраженно смахнул их на пол. В отчаянии Грейдон поднял компас, который носил на шейной цепочке, посмотрел на него, но только расстроился еще сильнее. Уронив компас на грудь, он безнадежно опустил взгляд, словно пытался разглядеть что-то в совершенно пустых ладонях.

Глава пятая Живодерня

– *Земля!*

Спасаясь от шторма, бушевавшего у побережья, «Волноход» ушел в ненамного более спокойные воды открытого моря и потерял из виду Пустоши и западный Калимдор. Шторм задержал прибытие в Живодерню на два дня и вдобавок – впервые за многие месяцы – заставил Арама почувствовать, что морская болезнь может быть посильнее тоски по дому. Когда он впервые оказался на борту, ему приходилось свешиваться за борт, перегнувшись через леер, ежедневно. Но через пару недель он привык к качке, и с тех пор она почти не доставляла ему неудобств – до этого шторма. Наконец корабль обогнул шторм и, оседлав ветер, устремился в порт.

Поэтому от крика Дуань Фэнь из «вороньего гнезда» сердце Арама воспарило – и вовсе не только потому, что ему нравился ее голос. Он бросился к борту, а Том Фрейкс – под наблюдением капитана Торна – повел «Волноход» в гавань.

Встав к причалу рядом с одиноким торговым суденышком, отдали якорь и быстро ошвартовались. Стоя у борта, Арам услышал цокот тяжелых копыт внизу, на пирсе, и повернулся на звук как раз вовремя, чтобы увидеть огромные мускулы, пышную гриву, копыта, широкий нос и рога. Секунда, а то и две, потребовалась, чтобы увидеть перед собой не просто быка на задних ногах. Конечно же, это был не кто иной, как таурен. Огромный таурен-самец!

– Капитан порта, – послышался шепот над ухом.

Рядом с вздрогнувшим от неожиданности Арамом у борта стоял бесшумно подошедший Грейдон. Еще секунда или две потребовалась Араму, чтобы связать слова отца с вышедшим на пирс созданием.

И тут таурен-капитан порта приветствовал судно и первого помощника капитана фыркающим хохотом и громким басовитым ревом:

– Однобог, солить твою богохульную бороду! Я же велел тебе носа сюда больше не показывать!

– Так ты это всерьез говорил? – с улыбкой откликнулся Однобог, стоявший у борта и наблюдавший за палубными, спускавшими трап.

– На этот раз – да!

– Это моя вина, Покоритель Кряжей! – заорал Грейдон, вновь напугав замороженного зрелищем Арама. – Не то, чтоб от него было много проку, но очень уж он, растреклятый, забавен!

Покоритель Кряжей снова захохотал, зафыркал и махнул могучей рукой:

– Тогда ступайте на берег! Может, позже я его и убью, но сначала пусть посмешит нас раз-другой!

– Держись рядом, – шепнул Грейдон сыну.

Арам, с запозданием вспомнив о том, что вовсе не настроен прощать, ошетинился.

– Хочешь остаться на борту? – спросил отец.

Арам неохотно покачал головой.

– Тогда держись рядом.

Поколебавшись, Арам кивнул и последовал за отцом, держась в нескольких шагах позади. Прежде чем спуститься на причал, Грейдон обратился к своим трем офицерам:

– Этот шторм все еще может достичь берега, и потому к рассвету я хочу отчалить. Организуйте сход на берег поочередно, но, по крайней мере, один из офицеров постоянно должен оставаться на борту.

Макаса, уже при всем оружии, нахмурилась:

– Капитан, один из нас должен постоянно быть *рядом с тобой*.

При виде такой настороженности Арам едва удержался от соблазна закатить глаза, но Однобог неожиданно поддержал Макасу:

– Эт-точно, капитан. Это место не ради шутики названо *Живодерней*, нет. Я пока что останусь на борту, а Флинтвилл держи при себе.

Третий помощник капитана, Молчун Джо Баркер, гилнеасец, которого, как было известно Араму, не миновало проклятие воргенов, молча скрестил руки на груди, словно вопрос был решен и закрыт.

Грейдон Торн сдвинул брови. Похоже, теперь он сам боролся с соблазном закатить глаза. Сжав рукоять абордажной сабли, он совсем было собрался раз и навсегда объяснить всем, что не нуждается в няньках. Но в конце концов он согласно кивнул. Сегодня для мужчин из семейства Торнов явно настал день компромиссов.

Поэтому капитан Торн сошел на причал с Макасой и Арамом по бокам. За ним, с паллетами, грузеными вяленным мясом, купленным у гноллов, последовали Микс, Феррар, боцман Рибьерра и квартирмейстер Кантон.

Сойдя на причал, Грейдон коснулся правой рукой груди, а затем – лба, выражая почтение капитану порта Покорителю Кряжей. Таурен ответил ему тем же, а затем вопросительно поднял кустистую бровь:

– Где ж Однобог?

Грейдон пожал плечами.

– Я решил: пусть ненадолго задержится на борту. Как минимум, проживет на два-три часа дольше.

Покоритель Кряжей усмехнулся – по крайней мере, Арам принял его двойное фырканье за нечто вроде усмешки.

– Может, так оно и разумнее, – сказал капитан порта, окидывая взглядом «Волноход». – Вижу, ты все еще ходишь на этой развалине?

Опустив руку на эфес абордажной сабли, Грейдон угрожающе улыбнулся и ответил:

– Не говори так о моей ласточке, Покоритель Кряжей. Ведь ты прекрасно знаешь: может, у нее и есть кое-какие изъяны, но в море лучшего корабля не найти.

– Да, она способна внушать преданность, в этом твоей старушке не откажешь.

Слова Покорителя Кряжей звучали примирительно, однако он больше не улыбался и не слишком-то обращал внимание на руку капитана Торна, легшую на рукоять сабли – в шутку или всерьез. Он кивнул на матросов с паллетами:

– Чем сегодня торгуешь, Торн?

– Гнольским вяленным мясом.

– Копченые гноллы? Хм-м. Это надо попробовать.

Арам неуверенно глядел то на отца, то на Покорителя Кряжей, пытаясь понять, шутит ли таурен или говорит серьезно. Между тем на губах Грейдона появилась улыбка, и он сказал:

– Быть может, в другой раз. Сегодня я привез мясо вепря, приготовленное гноллами. И вяленную треску.

Таурен разочарованно пожал плечами, вздохнул и отступил в сторону, давая дорогу горстке сошедших на берег. Быть может, он только притворяется, будто разочарован?

– Он пошутил? – прошептал Арам.

Брови Грейдона качнулись вверх-вниз.

– Искренне надеюсь, что да.

– Но не уверен?

– Но не уверен.

Идя за отцом вдоль причала, Арам оглянулся и увидел Старину Кобба во главе первой партии, отправившейся в увольнение на берег. Большинство, включая Ли и Брауна, направи-

лись в нечто вроде таверны, устроенной прямо на пристани (на самом деле это была всего лишь пристройка – дощатый навес да три холщовые занавеси вместо стен). Но сам Кобб откололся от компании, и вскоре его седая голова исчезла в гуще толпы. Арам подумал о том, куда бы мог направиться старый кок, потом – о том, когда в увольнение пойдет Дуань Фэнь, и удастся ли ему улизнуть от отца, чтобы «случайно» встретиться с ней на берегу. Мечты его с каждым мигом становились все подробнее и подробнее, пока они с отцом не добрались до рынка, и вниманием мальчика не завладели его звуки, запахи и виды.

Живодерня была старым лесным поселком меховщиков и кожевенников, со временем превратившимся в оживленное, но изолированное торговое поселение для аборигенов Пустошей, и редкий из знавших о нем торговцев не заворачивал сюда – несмотря на то, что это поселение не было отмечено ни на одной карте. Широко раскрыв глаза, двенадцатилетний Арам дивился всему вокруг. Неподалеку слонялись люди и несколько дворфов с корабля, стоявшего у причала рядом с «Волноходом». А вот прошмыгнули мимо три зеленокожих остроухих гоблина ростом чуть выше пояса Арама. Они шныряли в толпе, точно дети, но спорили между собой (явно на гоблинском языке) совсем как брюзгливые старики. За ними мимо Арама проплыла высокая, невероятно грациозная эльфийка, от вида которой захватило дух, а все мысли о Дуань Фэнь мигом исчезли из головы. Судя по светло-серым глазам, она была из высших эльфов – сей факт был известен Араму только из отцовских уроков, что, в свою очередь, было фактом, который ему очень не хотелось признавать.

Но основная часть посетителей рынка состояла из тауренов и свинообразов, среди которых изредка встречались кентавры. Никогда в жизни Арам еще не видел представителей этих рас собственными глазами, да еще так близко – если, конечно, не считать Покорителя Кряжей. Поначалу все они казались звероподобными и опасными – если не вовсе неразумными, но тут в голове Арама зазвучал голос отца (хотя тот шел рядом, не говоря ни слова), напоминавший о необходимости присмотреться внимательнее, прежде чем судить.

Ниже пояса кентавры были неотличимы от дикой лошади, а выше – немного напоминали человека, вот только костяные выросты на лицах и жесткие гривы портили весь вид. Каждый из них занимал так много места, что Араму не раз и не два пришлось опасаться за целостность пальцев ног. Но мускулистые и грациозные четвероногие создания прекрасно сознавали свою величину. На глазах Арама устрашающего вида самец с густо раскрашенным хной и засохшей глиной торсом прошел по узенькому проходу между прилавков, на одном из которых высились груды глиняных горшков, а на другом – тщательно уложенные пирамиды помидоров. И ни один горшок не пострадал! И не помялся ни один помидор!

Таурены толпились повсюду, и в этот момент Арам был больше всего поражен тем, насколько все они разные. Он-то воображал, что все быколюди одинаковы – ведь они принадлежат к одному виду. Но в их облике оказалось так много различных черт: размер и форма рогов, окрас и длина шерсти, толщина морды и ширина ноздрей, и даже рост и ширина плеч! Нет, их раса вовсе не состояла из множества одинаковых Покорителей Кряжей. Любые два таурена отличались друг от друга не меньше, чем Старина Кобб от Макасы. Конечно, Арам понимал всю очевидность этого наблюдения, и все же оно оказалось для него откровением.

Некоторые таурены использовали в качестве вьючных животных рогатых зверей – кодо. И вновь Арам вынужден был признать, что узнал в этих зверях кодо только благодаря урокам отца, рассказывавшего и о том, что даже самые большие из этих кодо – лишь подростки, а взрослый боевой кодо занял бы столько же места, сколько два, а то и три кентавра в ряд.

Самыми буйными и дикими из всех этих диких созданий, на взгляд Арама, были свинообразы. Они имели самый угрожающий вид – одни торчавшие из пасти бивни чего стоили! К тому же, от них было больше всего шума. Проходя мимо, они то и дело утробно ворчали и хрюкали. Дико ревели, возмущаясь ценами на топоры. Без стеснения отрывались и выпускали газы, словно от рождения имели на это право. Порой без всяких видимых причин виз-

жали, словно поросята. Но даже к таким чудищам следовало присмотреться внимательнее. Бивни большинства были украшены затейливым орнаментом боевой раскраски. Один воспользовался даже золотой филигранью. Прочие то и дело от души хохотали – их выдающиеся животы тряслись, прыгали над поясами и набедренными повязками так, что вызывали улыбку у всех вокруг, не исключая и Арама.

Дружелюбно улыбаясь всем встречным, Грейдон неизменно держался настороже. Точно так же – минус улыбка – вела себя и Макаса. Сколь бы необычным и восхитительным ни было все вокруг, терять бдительности не стоило. Все три местных расы вовсе не питали друг к другу любви. Они орали друг на друга, сыпали проклятиями и каждые пять минут, будто по часам, затевали драки. Один раз Грейдон внезапно схватил Арама за плечо и яростно рванул влево – иначе мальчик был бы раздавлен в лепешку. Апперкот рыжего таурена поднял угольно-черного свинобраз в воздух, и тот рухнул на спину – прямо туда, где за миг до этого стоял Арам.

Арам хотел было сказать спасибо, но не смог произнести ни звука. Казалось, отец этого и не заметил, но мрачный взгляд Макасы яснее ясного сказал Араму, что она думает о его поведении. Арам начал присматриваться к отцу, наблюдая, как Грейдон Торн держится перед толпой, приветствуя каждого в отдельности – многих даже по имени, – хотя подавляющее большинство почти не понимало всеобщего языка.

Сам Грейдон без малейших усилий понимал язык любого. И даже отвечал несколькими словами – а то и фразами – на таурахэ. И знал не только языки, но и обычаи. Точно так же, как при встрече с Покорителем Кряжей, Грейдон прикладывал руку к сердцу и ко лбу перед каждым из тауренов. Но, столкнувшись с кентавром, он звучно бил кулаком в грудь, а свинобразов приветствовал громким хрюканьем. Все это были традиционные приветствия народов, населявших здешние земли – это Арам, опять же, знал из уроков, преподанных ему отцом на палубе «Волнохода». Правду сказать, Арам сам удивился тому, как много он, оказывается, знает, сколько всякого усвоил, хоть никогда и не был прилежным учеником...

И, как обычно, его восхищение умом и знаниями капитана вступило в бой с ненавистью к бросившему семью отцу. И – ни намек на то, как разрешить это внутреннее противоречие...

Большинством лавок на рынке заправляли женщины – тауренки и свинобразки. Грейдон поднял руку, останавливая своих матросов перед лавкой, вдвое превосходившей размерами все остальные. Торговка – тауренка едва ли не вдвое шире собственного роста, покрытая шерстью, землисто-рыжей у копыт и красной, почти как кровь, у рогов – торговалась со старым седым кентавром.

– Нет, – басовито промычала она. – Не хватит.

– Раньше – всегда «хватит», – отвечал стоявший перед ней кентавр с лицом, украшенным двумя асимметричными костяными выростами на лбу и левой скуле.

– «Раньше» – не «теперь». Теперь – не хватит.

Ни при одном из них Арам не заметил ни товаров, ни денег. Он даже заглянул за прилавков тауренки, но и там не увидел никакого товара.

Кентавр сделал пару шагов назад, затем снова шагнул вперед, приподнялся на задних ногах, топнул передними оземь и сказал:

– «Теперь» – то же, что «раньше». «Хватит» всегда есть «хватит».

– Еще три кожаных щита делать «хватит» теперь.

Потрясенный кентавр поскреб в длинной седой бороде. Точно в ответ, тауренка поскребла свою рыжую бородку и повторила:

– Еще три – делать «хватит» теперь.

Кентавр молча продолжал чесать длинную седую бороду. Наконец он ударил левым кулаком по правой стороне мускулистой груди. В ответ тауренка коснулась широкой груди и широкого лба.

Кентавр развернулся и двинулся прочь. Больше оба не обменялись ничем – ни словом, ни щитами, ни золотом, ни хоть одной медной монеткой.

Грейдон шагнул вперед и, в свою очередь, поднес руку к сердцу и ко лбу.

– Леди Кровавый Рог! – сказал он.

Могут ли таурены краснеть? Об этом в отцовских уроках не говорилось, но в ответ на улыбку отца огромное создание приняло едва ли не кокетливый вид, и Арам начал думать, что это вполне возможно. Более того – тауренка захихикала, игриво отмахнулась от комплимента отца и сказала:

– Назвать Кровавый Рог леди! Ты, капитан умеешь ворочать тюки!

Грейдон засмеялся фыркающим тауренским смехом.

– Ворочать тюки? Да, умеешь, умеешь ты уязвить!

Фыркнув в ответ, тауренка оперлась ладонями о прилавок и подалась вперед.

– Что ты привез мне, капитан, умеющий ворочать тюки?

– Вяленое мясо от гноллов, – шепнул в ответ Грейдон. – Девятнадцать тюков мяса вепря и двадцать – трески.

Кровавый Рог облизнулась и почесала бородку.

– А что же тебе нужно? – спросила она.

Склонившись вперед, капитан прошептал:

– Пожалуй, того, что мне действительно нужно, у тебя нет.

– Ты так думаешь? – ответила она.

Арам не спускал глаз с отца. Тот подался назад и – непонятно, зачем – взглянул на свой компас. Как всегда на его лице отразилось разочарование. И, как всегда, это выражение тут же исчезло.

– Думаю, нет, – подтвердил он.

– Нет, – согласилась она. – Каков будет твой второй выбор, человек?

– Девятнадцать золотых и двадцать серебряных... – Грейдон ухмыльнулся. – И три кожаных щита!

Широко распахнув глаза, тауренка запрокинула голову и громко захохотала. Однако ее веселье длилось недолго. Вновь подавшись вперед, она шепотом спросила:

– Что будет делать со щитами соленая борода?

– А что будет делать леди с таким множеством вяленого мяса? Неужели съест?

– Продаст! – взревела Кровавый Рог, вновь разразившись хохотом.

– Именно, – с улыбкой сказал Грейдон. – Продаст или обменяет. В том и состоит игра, миледи. Итак, договорились?

– Договорились, – сказала тауренка, коснувшись сердца и лба, чтобы скрепить сделку.

– Договорились, – подытожил Грейдон, сделав то же самое.

Арам отступил в сторонку, чтобы пропустить вперед матросов с грузом. Но Грейдон, не говоря больше ни слова, двинулся дальше, и Макаса пошла рядом с ним. Матросы направились следом, и Араму пришлось пуститься бегом, чтобы не отстать от своих.

Начался легкий дождик. Глянув в небо, Грейдон нахмурился, и скудных познаний Арама в навигации как раз хватило, чтобы понять: отец опасается, что этот дождик может оказаться предвестником надвигающегося шторма.

Наконец вся их процессия остановилась перед высоким шатром, где за невысокими деревянными столами собрались для бесед все местные расы. Выложив на стол по одному тюку мяса вепря и трески, Грейдон вскрыл их и сказал, обращаясь к Араму:

– Располагайся. Некоторое время побудем здесь.

Люди, гоблины, дворфы, кентавры, таурены и свинообразы начали подходить к столу и пробовать угощение. И действительно: то, что для гнолла – просто копченое мясо, оказалось кладом для кентавров, тауренов и свинообразов Живодерни. Некоторых его вкус приводил в

искреннее восхищение. «Свинообразы едят вяленое мясо вепря?» Некоторые вправду ели. Но большей частью, как и было предсказано, предпочитали треску.

За угощение никто не платил, но и никто – кроме одного иссиня-серого свинообраза, нацелившегося стащить вторую порцию трески и получившего за это от Макасы тычок гарпуном в ребра – не брал больше одного куска.

Тем временем Арам вынул свой блокнот и карандаш и принялся рисовать угощавшихся – так быстро, как только мог. Выручало то, что вяленое мясо было чертовски нелегко разжевать. Работая челюстями, те, кто подходил за угощением, задерживались у стола и превращались в прекрасную натуру для художника. Так он успел нарисовать трех кентавров, дворфа, двух свинообразов и двух тауренов еще до того, как Макасе пришлось в голову рыкнуть:

– Лучше и не думай помещать меня в эту треклятую книжонку!

– Обещаю, что не стану рисовать тебя, пока сама не попросишь, – механически ответил Арам.

Теперь он пытался нарисовать по памяти ту высшую эльфийку, но удовлетворительного результата добиться не смог.

Оставив рисунок незавершенным, он перевернул страницу и принялся рисовать землесто-черного свинообраза, усердно жевавшего вяленую треску. Арам постарался ухватить, как лежит его темная шерсть на груди, как выются охряные линии на его бивнях, как на плечах бугрятся мощные мускулы, и к тому времени, как свинообраз покончил с угощением и отошел, сумел добиться прекрасного результата. Рисовать то, что находится прямо перед ним, Арамару Торну всегда удавалось куда лучше, чем по памяти.

Когда свинообраз ушел, Арам огляделся вокруг в поисках новой природы и заметил Старину Кобба, стоявшего под дождем в дюжине ярдов от шатра и беседовавшего с каким-то человеком. Издали Араму было не слышно, о чем они говорили, а собеседник Кобба, стоявший к шатру спиной, был одет в плащ с капюшоном, скрывающий все, кроме его широких плеч да изрядного роста. С некоторым любопытством Арам проследил за тем, как оба обменялись рукопожатиями (на руке собеседника Кобба оказалась кожаная перчатка), и ему показалось, что сразу после этого в пальцах кока что-то блеснуло. Незнакомец скрылся в толпе, а Джонас Кобб направился в шатер и подошел к столу.

– Как т-рговля, к-питан? – спросил Кобб таким жизнерадостным тоном, какого Арам не замечал за стариком никогда.

– Здесь не место говорить о делах, – ответил Грейдон. – Но, в общем, не жалуюсь.

– Кобб, – строго заговорила второй помощник Флинтвилл, – по-моему, тебе уже пора быть в таверне. Увольнение для твоей смены почти закончилось.

– Как раз направляюсь пропустить рюмочку, дочка, – ответил Кобб, показав всем серебряную монету. – Выиграл в карты, и она жжет мне к-рман. Увидимся на б-рту.

Подпрыгнув и ударив каблуком о каблук, Кобб подмигнул Араму и без лишних слов удалился.

– Пожалуй, рюмочку, а то и дюжину рюмочек, он уже пропустил, играя в «Хартстоун», – проворчал боцман Джонсон Рибьерра. – Вы когда-нибудь видели, чтобы наш старикан этак отплясывал джигу?

Кантон, Микс и Феррар дружно признали, что такого не видели никогда.

Арам призадумался. Ему казалось, что эту монету Кобб получил от незнакомца в плаще с капюшоном. Но, может быть, тот вправду проиграл ее Коббу, а расплатился только сейчас? Однако Арам уже собрался было рассказать Макасе о том, что видел, но тут к нему подсел Грейдон и спросил:

– Понимаешь?

Арам повернулся к отцу. Грейдон широко взмахнул рукой, охватив этим жестом и их стол, и весь шатер, и все торговое поселение, включая и их самих.

– Думаю, да, – неуверенно кивнул Арам. – Здесь они пробуют наш товар и идут к леди Кровавый Рог делать заказы. Только не знаю, где и когда ты получишь деньги. И еще не понимаю, отчего потребовалось настолько все усложнять.

– Оттого, что Кровавый Рог – не простая лоточница или купчиха. Она... организатор. Посредник. На голову выше прочих.

– Тогда зачем ей лавка на рынке, да еще вдвое больше, чем у других? Что проку в такой большой лавке, если на прилавках пусто?

– А как ты сам полагаешь?

– Э-э... «Больше» – значит «лучше»? Знак ее высокого положения?

Грейдон кивнул.

– А отсутствие товаров на прилавках?

Арам поразмыслил и над этим:

– Потому, что ее товар – это сама торговля?

– Именно. Хорошо.

Польщенный похвалой, Арам улыбнулся, но тут же вспомнил, чья это похвала, помрачнел и опустил голову. Заметив это, Грейдон вздохнул.

– На то были свои причины, – сказал он.

Арам резко поднял взгляд. Оба прекрасно понимали, о чем идет речь, хотя Грейдон никогда прежде не говорил о том, как ушел от семьи, а Арам всегда был слишком упрямым, чтобы требовать от него ответа.

– Какие причины? – спросил он теперь, не желая оставлять недомолвок.

– Не здесь. Не сейчас. Но обещаю: вскоре я расскажу тебе обо всем.

Глаза их встретились. Взгляд Арама молил об ответе, взгляд Грейдона – о терпении.

– Вскоре, – повторил Грейдон. – Даю слово.

Немного подумав, Арам кивнул. Не стовариваясь, оба Торна хором испустили совершенно одинаковые вздохи облегчения. От этого Арам улыбнулся, а Грейдон, взъерошив сыну волосы, поднялся и отошел, чтобы предложить порцию вяленого мяса чалому кентавру.

Арам понимал, что на самом деле ничего не изменилось. «Вскоре», конечно же, могло означать все, что угодно. Однако один лишь кивок Арама, казалось, помог сбросить всю напряженность, накопившуюся в их отношениях за шесть месяцев. Неожиданно Арам почувствовал симпатию к отцу. Впервые с тех пор, как ему было лет восемь или девять, Арамар Торн был готов предоставить Грейдону Торну презумпцию невиновности. Возможно, у него в самом деле имелись веские причины. Честно говоря, пусть даже не такие уж ужасно веские. Конечно, теперь, когда дело уже сделано, эти причины вряд ли могли бы показаться уважительными. Но если Грейдон сможет объяснить, отчего он решил, будто ему необходимо покинуть Арама и Сейю, этого вполне хватит.

– Сносное объяснение, – прошептал он себе под нос, – плюс три кожаных щита делать «хватит» теперь.

Улыбнувшись самому себе, Арам снова взялся за блокнот, перелистнул несколько страниц назад и принялся заканчивать портрет отца. И вышло у него довольно удачно.

«Добрый магя...»

Глава шестая Шепчущий

Еще ни разу в жизни Араму не удавалось нарисовать столько за один присест. Настала ночь, зажгли факелы, натруженная рука устала так, что сводило пальцы, но в шатер шли и шли новые изумительные невиданные существа, желавшие попробовать товар «Волнохода» – вернее сказать, товар леди Кровавый Рог.

Сама леди Кровавый Рог тоже явилась в шатер, и Арам отчаянно спешил закончить ее портрет, пока она не ушла. Тауренка, жевавшая полоску мяса вепря, смеялась и фыркала с набитым ртом и во весь голос утверждала, что на вкус оно – в точности как свинообраз. Затем она склонилась к Грейдону и шепнула:

– Эти тюки почти кончились. Меньше мяса – меньше денег.

Грейдон с улыбкой покачал головой:

– Сделка заключена. Те образцы, что я раздаю, принадлежат тебе.

Тауренка вновь расхохоталась, обрызгав все вокруг крошками полупережеванного мяса.

– Но попробовать-то стоило!

– Конечно, стоило, миледи.

Тауренка снова кокетливо захихикала, прикрыв глаза могучей рукой, а другой с немалой силой ударив Грейдона в плечо. Тот болезненно крикнул, но сумел удержать улыбку на лице.

После этого Кровавый Рог удалилась, и к столу тут же подошли два рослых таурена-самца. Первый высыпал в ладонь Грейдона горсть золота и серебра, а второй нес на себе три громадных щита, обитых сыромятной кожей. Щиты, повинувшись кивку капитана, приняли Микс, Рибьерра и Кантон.

Рассчитавшись, таурены сложили паллеты один на другой, без видимых усилий подхватили груз и ушли. Остались лишь два вскрытых тюка на столе. Грейдон отсчитал семь полосок вяленого мяса вепря и роздал по одной Миксу, Феррару, Рибьерре, Кантону, Флинтвилл и Араму, не забыв и себя.

Рассеянно оторвав зубами кусочек мяса от своей порции, капитан поднял взгляд. Дождь уже лил не на шутку, и ткань шатра пропиталась водой так, что сверху закапало. Одна из капель упала прямо на уголок портрета леди Кровавый Рог, нарисованного Арамом. Аккуратно, чтобы не испортить рисунок, промокнув ее, Арам закрыл блокнот, завернул его и спрятал в карман.

Запихав за щеку комок полупережеванного мяса, Грейдон заговорил:

– Ребята, сложите щиты в трюм. После этого можете сойти на берег, в увольнение. Но до рассвета вернитесь на борт. Надвигается шторм, и нам нужно выйти в море, прежде чем он доберется сюда.

Леди Кровавый Рог

– Есть, капитан! – хором откликнулись четверо моряков.
С этими словами они едва ли не бегом устремились в ночь.

– Не позволите ли попробовать ваш товар, добрые мореплаватели? – прошелестел незнакомый голос.

Арам повернулся к столу, и в ноздри ему ударил сильный – пожалуй, сверх меры сильный запах жасмина. По ту сторону стола стоял тот самый незнакомец в плаще, что беседовал с Коббом. Лицо его все так же было спрятано, скрыто под капюшоном.

Рука Грейдона легла на эфес абордажной сабли.

– Угощайся, незнакомец, – ответил он.

Человек в плаще изящно поклонился.

– Весьма обязан, друг мой, – сказал он.

Голос его звучал очень и очень мелодично, но говорил незнакомец шепотом – тихим, точно шелест прибрежного песка, поднятого в воздух ветром.

Рука в перчатке потянулась за полоской мяса. Улучив момент, Арам постарался незаметно наклониться и разглядеть скрытое под капюшоном лицо. Но голова незнакомца была опущена так низко, что Арам так и не смог разглядеть ничего: нагнись он еще ниже, это вышло бы слишком заметно – и уж точно невежливо. Отец с Макасой тоже предприняли подобные попытки, но, судя по выражениям их лиц, тоже потерпели неудачу. Макаса нервно перехватила древко гарпуна. Вспомнив, что его собственная абордажная сабля опять осталась на борту, Арам гулко сглотнул и чуть не застонал от досады.

Полоска мяса скрылась в тени в глубинах капюшона, и незнакомец сделал глубокий вдох.

– М-мм! Аромат поистине божественный! – тихо прошептал он.

«Интересно, – подумал Арам, – как ему удастся что-то унюхать, вылив на себя столько жасминовой воды?»

Полоска мяса вновь появилась на свет нетронутой, и незнакомец спрятал ее в карман своего длинного плаща.

– Однако я сберегу это на потом, – прошептал он. – Иначе, чего доброго, потеряю голову – или, по крайней мере, зуб.

– Боюсь, я не понимаю, о чем ты, – с ноткой подозрения сказал Грейдон.

– О, всего лишь о том, что я легко могу не удержаться от чрезмерных расходов, купив у нашего доброго друга, госпожи Кровавый Рог, более, чем мне нужно. Но благодарю тебя.

Не повернув головы и даже не подняв взгляда, незнакомец продолжал все тем же злое щим шепотом:

– Какой красивый парнишка. Это твой юноша?

По спине Арама пробежал холодок. От запаха жасмина защипало в носу. За сильным цветочным ароматом крылось что-то еще – нотка чего-то гнилого или гниющего.

– Да, это мой юнга, – поправил незнакомца Грейдон.

– О, я ошибся. Пожалуй, я увидел сходство там, где его нет. Возможно, племянник? Или двоюродный брат?

– Мы вообще не родня, – прохрипел Арам.

Не удержавшись, Грейдон взглянул на сына, будто желая убедиться, что тот всего лишь поддерживает его игру, а не отрекается от родства с ним всерьез. От Арама не укрылось, что отец мысленно дал себе пинка за то, что повел разговор таким образом.

– Значит, нет, – прошептал человек в плаще. – Очевидно, это моя ошибка. Надеюсь, вы простите меня. Я вовсе не хотел вас обидеть.

– Мы не в обиде, – резко ответил Грейдон.

– Что ж, тогда я удаляюсь. Счастливого плавания, мореходы.

Полы плаща незнакомца рассекли воздух с шелестом, очень похожим на его шепот. Резко развернувшись кругом, он покинул шатер и исчез в дождливой ночи, оставив за собою лишь сильный запах жасмина и ужаса, кроющегося за ним.

– Кто это был? – спросила Макаса.

– Затрудняюсь ответить, – сказал Грейдон.

– Да уж человек ли это?

– Возможно, да. Возможно – в прошлом. Остатки товара пусть остаются здесь. Мы возвращаемся на судно.

Взяв Арама за плечо, Грейдон повел его вперед. Арам не возражал. Макаса двинулась следом, в нескольких метрах позади.

– Этот человек... – зашептал в свою очередь Арам. – Шепчущий... Я видел его раньше. Он говорил со Стариной Коббом. И я уверен – это он дал Коббу серебряную монету.

Разом остановившись, Грейдон взглянул в лицо Арама.

– «Уверен», или «уверен, разрази меня гром»?

– Уверен, разрази меня гром! И вот что я еще только что вспомнил. В тот день, когда я пошел в твою каюту за абордажной саблей, там был Кобб. Стоял у стола. Я решил: он просто убирает грязную посуду, оставшуюся после завтрака, но...

– Но на столе, конечно же, были разложены мои карты, а на них – отмечен наш курс.

– Угу.

Грейдон переглянулся с Макасой.

– Больше ничего? – спросил он.

Арам покопался в памяти.

– Может быть... Пока мы стояли у гноллов, Кобб скрылся в лесу на несколько минут.

Но, может, тут ничего такого и нет...

Макаса потрясенно уставилась на Арама.

– Тут целая куча «ничего»! Почему ты раньше не сказал?

– Не знаю. Я думал...

– Что было, то прошло, – вмешался капитан. – Макаса, все увольнения отменяются.

Собирай команду, веди всех на борт. И Кобба отыщи.

– Есть, сэр. Как только провожу вас на борт «Волнохода».

– Нет, второй помощник, выполняй приказ немедленно. Я отведу Арама прямо на борт и пришлю тебе в помощь Молчуна Джо. Рассвета не дожидаемся, выходим в море как можно скорее.

Глава седьмая

Спираль

– Зачем ему понадобилось раскрывать карты раньше времени? – спросил Грейдон.

Арам сидел в капитанской каюте, освещенной фонарем, вместе с отцом, Однобогом, Макасой, и третьим помощником Молчуном Джо. Прошло два дня. На то, чтобы собрать на борт всю команду – вернее, всю команду, кроме Джонаса Кобба, – первому и второму помощникам потребовалось меньше часа. Еще два часа прошли в безуспешных попытках разыскать старика, а шторм тем временем крепчал. Еще два часа ушли на то, чтобы посоветоваться с Покорителем Кряжей и госпожой Кровавый Рог. Оба они знали «соленую бороду» с семью волосами, так как «Волноход» навещал этот порт далеко не впервые, но в ту ночь так и не смогли найти его, несмотря на все свои обширные связи и крохотные размеры торгового поселения. К этому времени даже самый великодушный и беззаботный из членов команды не мог бы не признать, что время увольнения для Кобба давным-давно вышло, а привычки опаздывать за ним раньше не водилось. В конце концов капитан Торн решил оставить кока на берегу. За три часа до рассвета «Волноход» поднял паруса и взял курс на юг, держась впереди шторма.

Кое-кто из команды недовольно ворчал: шторм штормом, но нельзя же бросать своих на берегу – тем более, что ни капитан, ни его помощники, ни Арам ни с кем не поделились своими подозрениями насчет Старины Кобба. Но внутри этого квинтета избранных особых сомнений не было: Кобб продал Шепчущему секреты «Волнохода». Поэтому Грейдон решил проложить новый курс – такой, какого беглый кок не мог продать или хоть предсказать. Он повел судно по спирали к северу, огибая шторм и уходя в открытое море в надежде стряхнуть с хвоста возможных преследователей.

Пока что эта стратегия оправдывала себя. Но сегодня Грейдону Торну до поздней ночи не давал покоя один вопрос.

– Мы не подозревали ни о чем дурном, пока этот Шепчущий не подошел к нашему столу. Так зачем же ему понадобилось раскрывать карты раньше времени?

– Может, просто дурак, – фыркнул Однобог.

Грейдон покачал головой.

– Нет, дураком он не выглядел.

– Слишком самонадеян? – предположила Макаса.

– Это просто другой вид глупости. Казалось, он явился к нам с какой-то определенной целью.

– Он явно интересовался мальчиком, – напомнила Макаса.

Обычно Арам возмущался, когда она называла его «мальчиком», будучи всего на пять лет старше. Но сейчас он чувствовал себя настолько виноватым, что даже не смог как следует возмутиться. Капитан и его помощники ни в чем не подозревали Кобба, потому что он, Арам, не рассказал им вовремя обо всем, что видел. Да, в том, что Макаса смотрела на него все так же сердито, не было ничего странного, но в кои-то веки Арам почувствовал, что заслуживает этого.

– Да, я думал об этом, – сказал Грейдон. – Похоже, он хотел убедиться в том, что Арам – мой сын. Но ведь на борту это ни для кого не было тайной. Мог бы просто спросить Кобба.

– Может, он не слишком-то Коббу доверяет, – возразил Однобог. – Если так, он, разрази его, выглядит вовсе не таким дураком, как четверо старших офицеров этого корабля.

Арам отметил, что его Однобог в этот счет не включил, но усомнился, стоит ли этому радоваться.

Грейдон рассеянно кивнул, принимая предположение Однобога, как самое убедительное из предложенных, но явно остался недоволен. Наверное, в десятый раз за эту ночь он поднял

свой компас, взглянул на него, сдвинул брови и выпустил цепочку. На некоторое время все превратились в таких же молчунов, как Джон.

Наконец Грейдон нарушил молчание:

– И вот еще один вопрос. Джонас Кобб был корабельным коком с тех пор, как мы собрали нашу команду. То есть, четыре года. Отчего он предал нас? И почему именно сейчас?

– Это уже два вопроса, – заметил Однобог.

Не обращая на него внимания, Грейдон обратился ко всем офицерам:

– Кто-нибудь замечал за ним недовольство? Обиду?

Все трое отрицательно покачали головами. Грейдон взглянул на Арама. Тот сглотнул и сказал:

– Я просто думал, что он... ну, понимаешь, что он просто вечно всем недовольный старикан.

– Таким он и был, – подтвердил Однобог. – Но он был таким же и четыре года назад. Клянусь Хранительницей Жизни и ставлю что угодно – он был таким с самого рождения.

– Можно ли узнать, – задумчиво спросила Макаса, – был ли с ним заключен стандартный контракт на пять лет?

– Да, Макаса, – ответил капитан. – Как у всей команды, кроме тебя с Арамом.

До этого Арам и не знал, что у команды есть какие-то контракты. Эта сторона дела никогда не приходила ему на ум. Теперь ему стало интересно, отчего у Макасы нет контракта, если у всех есть, но спрашивать об этом было не время.

– Значит, всего через год он получил бы полную долю от нашей прибыли за пять лет? – уточнила Макаса.

– Через одиннадцать месяцев, если точнее. Отчего же он рискнул такими деньгами?

– Может, ему пообещали заплатить больше, как только пираты разделят добычу, – сказал Однобог.

– Так этот Шепчущий – пират? – спросил Арам.

– Кроме всего прочего, – ответил Однобог.

Грейдон с Макасой не сказали ни слова, хотя они-то, в отличие от Однобога, видели Шепчущего своими глазами. Но сейчас все присутствующие понимали, что Шепчущий, вероятнее всего, один из Отрекшихся – мертвец, поднятый из могилы силой темнейшей из магий.

Арам попытался представить себе, что может понадобиться от них пирату из нежити, и с сомнением спросил:

– И ему нужен этот корабль?

Все четверо воззрились на него. На лице каждого по-своему отразилась обида и возмущение.

– Не обижайтесь, – продолжал Арам. – Я понимаю, в чем ценность нашего груза. Но загляните в трюм! Разве все это не разочарует пирата? И разве Кобб ему об этом не сказал?

Все вновь надолго замолчали, обдумывая эту мысль. Грейдон еще раз взглянул на компас.

Тогда Арам закусил губу и спросил отца:

– А что, если я просто все неправильно понял? То есть, я видел то, что видел. Но вдруг Старина Кобб отошел в лес, чтобы... не знаю... просто опорожнить мочевой пузырь? А с твоего стола – просто убирал грязную посуду?

– А серебряная монета?

– Получил карточный долг.

– А по какой причине не явился на борт?

– Э-э... Перепил, уснул где-нибудь в канаве...

Грейдон покачал головой.

– Я был бы рад думать о нем лучше, даже если бы сам при том оказался подлецом, бросившим его в Живодерне. Мне очень не хочется думать, что кто-либо из наших может ока-

заться предателем. Говоря откровенно, если бы мне удалось убедить себя в том, что Шепчущий захватил его силой, на душе у меня стало бы спокойнее, как бы ужасно это ни звучало. Но иного объяснения, кроме предательства, мне в голову не приходит.

Однобог с Макасой согласно кивнули. Джо скрестил руки на груди.

Вновь наступила тишина.

Грейдон нарушил молчание, ударив по столу кулаком:

– Зачем ему понадобилось раскрывать карты раньше времени?

В конце концов, капитан Торн отпустил своих офицеров, но попросил Арама остаться.

Развернув карту, Грейдон прижал к столу ее края наполненной игральными костями оловянной кружкой и резным деревянным драконом, будто пресс-папье. Взявшись за карандаш, он принялся прокладывать новый курс. Придвинувшись ближе, Арам с удивлением отметил, что отец работает не с картой Калимдора, а с другой, на которой был изображен весь Азерот.

– Арамар, что для тебя такое «дом»? – спросил Грейдон, не отрываясь от работы.

Арам помедлил с ответом – чувствовалось, что вопрос отца непрост.

– Э-э... Приозерье.

– Нет, я не о том. Почему ты считаешь домом Приозерье?

– Ну... Там моя мать. Брат с сестрой. Чумаз – то есть, наш пес. И...

В первый раз Арам запнулся перед тем, как произнести это имя в присутствии отца. Но Грейдон закончил за него:

– И Глэйд. Твой отчим.

– Ну... да.

– И это хорошо. Это правильно. Если даже ты не вынесешь из нашего путешествия больше ничего, запомни хотя бы это.

– Я... Я не понимаю.

– Известно ли тебе, что Сейя родом не из Приозерья?

– Известно ли... Ну, да. Она родилась в Златоземье.

– Да. Родилась в Златоземье, росла в поселке лесорубов в Восточной Долине, а потом, вместе со своей матерью, переехала на побережье. Мы встретились и познакомились в Штормградском порту и только после свадьбы решили устроить себе дом в Приозерье. До этого я никогда не бывал там, а она – всего несколько раз ребенком ездила туда на рынок. Ни для меня, ни для нее Приозерье не было домом, однако стало им.

– Ну и хорошо, – шутливо, точно болтающему о пустяках ребенку, сказал Арам, совершенно не представляя себе, к чему клонит отец.

– Пойми главное, – продолжал Грейдон, впервые оторвав взгляд от карты. – Дом – это не просто место, где живешь. В первую очередь это – люди, с которыми ты связал свою жизнь. Это семья. Только так, и никак иначе. А семьи бывают разными...

Внезапно Арам понял смысл этого разговора. Внезапно ему стало ясно, что Грейдон наконец-то решил рассказать о своих «причинах».

– Этот корабль – тоже семья, – сказал Арам. – Это я вижу. Контракты – контрактами, но это – твоя семья.

– Да, одна из моих семей. У любого человека, Арам, может быть много семей. Даже у такого, как Робб Глэйд, никогда в жизни не отъезжавшего от границ Приозерья дальше пяти миль, в жизни есть, по меньшей мере, две семьи. Первая – это родители, с которыми он жил в детстве, а вторая – семья взрослого мужчины: жена, дети и... И ты. О, и еще ваш пес.

Арама переделернуло. Отделять Арама от сводных брата и сестры, как будто такой достойный и простой человек, как Робб, не относился ко всем троем своим детям одинаково, было не слишком благородно со стороны отца. Как будто Робб не обращался с Арамом, как с собственным сыном! (А если откровенно, Грейдон и вовсе намекнул, будто Робб ставил Арама наравне

с Чумазом!) Но возражать было не время, и потому Арам просто сменил тему, чтобы поскорее добраться до самой сути того, чему Грейдон собирался научить его – ведь отец *постоянно* старался научить его чему-нибудь новому.

– Вот почему предательство Кобба так обидно, – сказал он. – Он – не просто кок, предавший своего капитана. Он предал свою семью.

– Да. Что касается нашей команды, так оно и есть. Возможно, это и глупо, но я воспринимаю все это именно так. Сердцем...

С этими словами отец ударил себя в грудь, будто приветствуя кентавра, и этот жест немедленно обрел смысл. Арам почувствовал, что понимает, откуда пошло это приветствие. Новое знание привело его в восторг, и ему тут же захотелось поделиться своим открытием с отцом. Но Грейдон снова склонился к карте Азерота, и Арам увидел, что карандаш в его руке выводит длинную кривую, начинающуюся от юго-восточного берега Калимдора, огибавшую Пандарию сверху, тянущуюся к южной оконечности Восточных королевств и далее...

Внезапно Араму сделалось ясно: Грейдон прокладывает курс к дому! Он был поражен.

– Ты повезешь меня домой?

Грейдон не отвечал.

– Ты собираешься отвезти меня домой, в Приозерье.

На этот раз сказанное уже не было вопросом. Однако Грейдон по-прежнему молчал и даже не взглянул на сына.

– Почему? – спросил Арам. – То есть, почему именно сейчас? Из-за Кобба? Из-за Шепчущего?

Наконец Грейдон ответил, но голос его звучал тихо – точно так же, как шепот упомянутого Шепчущего:

– Пожалуй... Пожалуй, я сделал ошибку, взяв тебя в это плавание.

В любой другой день за все шесть месяцев, проведенных на борту «Волнохода», Арам согласился бы с этим. Но сейчас слова отца ранили его в самое сердце.

– Послушай, я понимаю, что должен был рассказать про Кобба раньше...

– Дело не в этом.

– Тогда в чем?

– Ты еще не готов. И времени было мало. И, может, его никогда не будет достаточно.

– Что все это значит?

– Лучше тебе не знать.

Арама буквально отбросило назад, будто Грейдон дал ему пощечину или ударил под дых. Грейдон поднял глаза. Их взгляды встретились.

– Почему ты ушел от нас? – спросил Арам.

Грейдон молча смотрел на него – глупо, растерянно раскрыв рот. Ярость и возмущение нахлынули с новой силой, и Арам подумал, что отец выглядит, точно злополучная беспомощная рыба, вынутая из воды. Взгляд Грейдона затуманился, и он снова сказал:

– Лучше тебе не знать...

– Нет. Ты обещал. Ты дал слово!

– Обстоятельства изменились.

– Нет! Держи свое слово, отец. Объясни, почему ты бросил жену и сына.

– Не могу.

– Объясни!

– Не стану.

Чувствуя, как закипает в жилах кровь, Арам подавил жгучее желание схватить оловянную кружку и ударить ею Грейдона. Вместо этого он, спотыкаясь, шагнул к двери, рывком распахнул ее и изо всех сил хлопнул ею при выходе из каюты. Удар эхом разнесся по кораблю.

Неверными шагами он подошел к борту, пройдя мимо Макасы, Однобога, Тома и Дуань Фэнь, но даже не заметив их.

Вытащив из кармана блокнот, Арам принялся лихорадочно листать его, пока не нашел портрет отца, вырвал рисунок, скомкал его и бросил за борт, в темную воду.

– Как вам вот эта магия? – прошептал он.

Глава восьмая

Черный корабль

Восход солнца удрученный Арамар Торн встретил на палубе. В кои-то веки – не потому, что был выдернут из постели рукой Макасы, и, уж конечно же, не потому, что научился, наконец, просыпаться самостоятельно. Нет, Арам был на ногах оттого, что, можно сказать, и не ложился. Как он ни старался, уснуть не удалось ни на минуту, и с первыми лучами солнца он сдался, встал и отправился наверх. Поутру было зябко, и он надел серый свитер объемной вязки, связанный для него матерью полтора года назад – да, ровно за год до того, как в их жизни вновь появился Грейдон Торн, в тот самый день, о котором Арам сейчас жалел сильнее, чем когда-либо прежде.

Молчун Джо и ночная вахта, удвоенная Грейдоном сразу после того, как корабль покинул Живодерню, уже расходились по койкам, а остальные понемногу поднимались и принимались за дело. Ночью капитан Торн приказал лечь на новый курс, и теперь «Волноход» шел на юго-восток, но все еще находился так далеко от берегов, что земли было не разглядеть. На севере по небу плыли низкие черные тучи, с юга над горизонтом висели низкие серые облака. Солнце то показывалось, то исчезало вновь.

Прислонившись спиной к лееру, Арам устремил взгляд в перекрестье брусьев, скреплявших дверь в каюту отца. Однако вскоре его отвлекла Дуань Фэнь, ловко взлетевшая по вантам на грот-мачту и забравшаяся в «воронье гнездо». На ней, как обычно, были шелковые туфли и шелковая шляпа, под которую она прятала длинные, шелковистые, черные, точно вороново крыло волосы – однажды Арам видел, как она мыла их в бочке с дождевой водой. В свои пятнадцать она была самой младшей на судне после двенадцатилетнего Арама и десятилетнего Кильвателя Уотта, помощника кока, только что получившего повышение благодаря бегству своего начальника.

Кили уже орудовал на камбузе, и до ушей Арама доносились его проклятия в адрес Старины Кобба. Возможно, кок из мальчишки получился неважный – подгоревшую овсянку Арам учуял еще до того, как тот выскочил на палубу и вывалил загубленное блюдо за борт. Но, подавая Джонаса Кобба под соусом из целого ряда определений, способных оставить неизгладимый след даже в самых закаленных ушах и сердцах, Кили показал себя подлинным гением.

Том Фрейкс встал к штурвалу. Остальные тоже разошлись по местам. При виде вышедшей из офицерской каюты и направившейся в матросский кубрик Флинтвилл – заранее разъяренной, хрустевшей суставами пальцев в предвкушении стычки, которой на этот раз не суждено было состояться, Арам развеселился. Он сосчитал дважды до двадцати и еще до шести. Только после этого Макаса вновь возникла на палубе – в полном недоумении, судя по выражению лица. Оглядев палубу, она, наконец, заметила Арама, стоявшего у леера, и на лице ее отразилось такое замешательство, что он едва не расхохотался вслух.

Тем временем из офицерской каюты вышел и Однобог – без рубашки, босой, заспанный. Остановившись перед бочонком с дождевой водой, он снял с него крышку, оперся ладонями о край, отжался на руках, наклонился, окунулся в бочку едва не по брюхо, густо поросшее рыжими волосами, и вынырнул только секунд через десять. Встряхнувшись, он нетвердым шагом вернулся в каюту.

Но не прошло и пяти минут, как дворф снова вышел на палубу, улыбаясь, хохоча и от души хлопая по спине каждого, оказавшегося в пределах не такого уж широкого размаха его рук. Казалось, веселье первого помощника заразило всю команду – на палубе оживились, заговорили и даже запели, стряхивая остатки сна. Вскоре все дружно распевали любимую моряцкую песню Однобога.

Может ли утонуть добрый малый, не покидая судна?
А как же, язви меня в брюхо, ей-ей!
Тут нет никакого чуда!
Чтоб утонуть, моряку ни к чему вся глубина морская,
Были бы только эля бочонок да голова дурная!

Может ли боевой топор юнге снести башку?
А как же, язви меня в печень, ей-ей!
Тут и конец пареньку!
Но дело-то не в одном топоре: вернулся бы парень домой,
Коль не помог бы бочонок эля у юнги под головой!
Может ли кракен толстого кока в соленой воде утопить?
А как же, язви меня в спину, ей-ей!
Только бы смог ухватить!
Однако и кракен тушу такую на дно б утащить не сумел,
Выплыл бы кок, если бы только от эля не отяжелел!

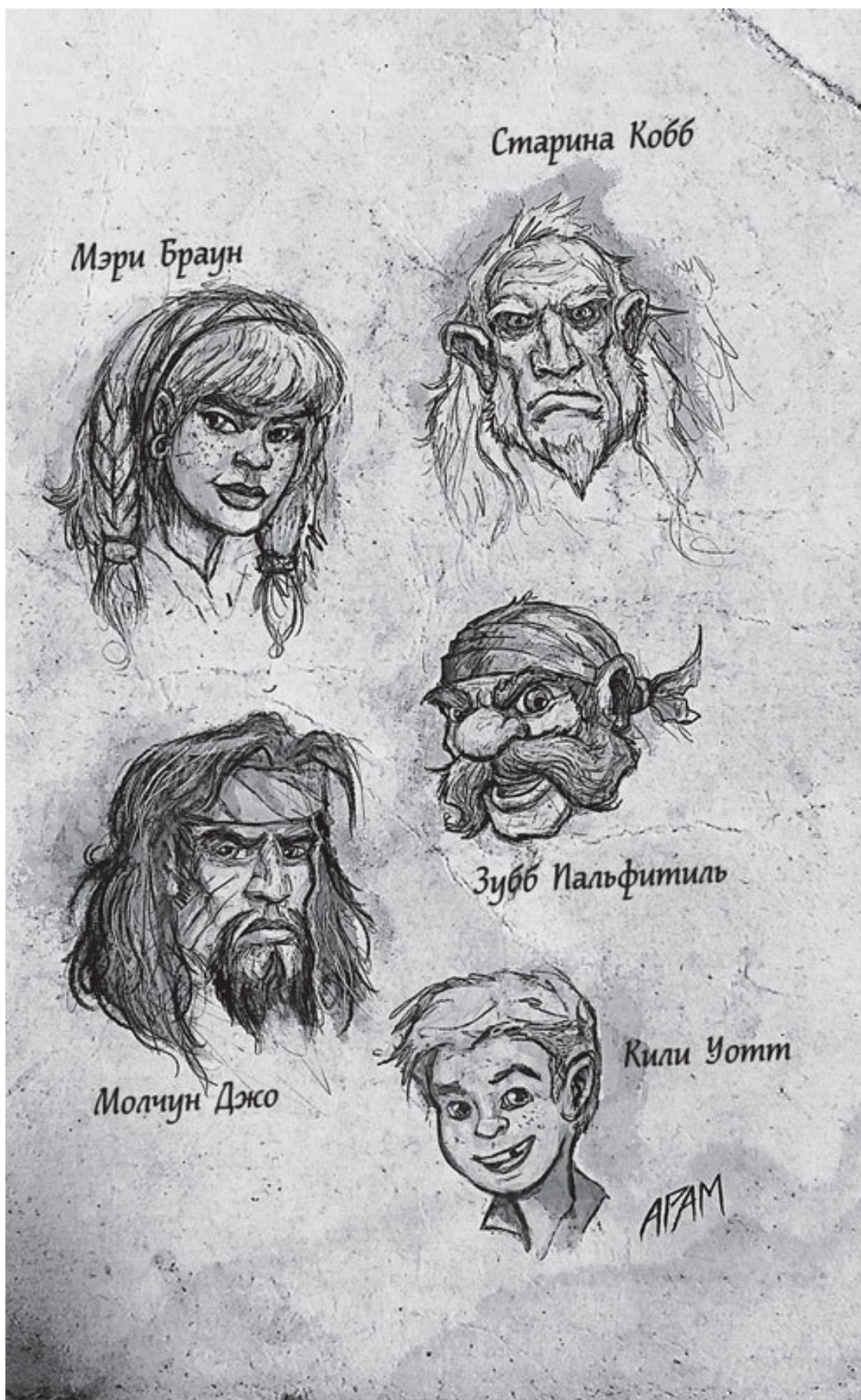
Может ли палица лоб проломить бедному моряку?
А как же, язви меня в глотку, ей-ей! В драке держись начеку!
Что против палицы череп? Удар – и тут же треснет, увы!
Но много опаснее эля бочонок для слабой дурной головы!

Может ли пандаренская джонка поджечь быстроходный фрегат?
А как же, язви меня в ребра, ей-ей! Если успеет догнать!
Да, «Пламенное дыхание», скажу я вам, горячо,
Но если в брюхе бочонок эля, пожары нам нипочем!

Может ли ворген-матрос разорвать помощника с капитаном?
А как же, язви меня в темя, ей-ей! Клыки у него – без обмана!
Но не судьба офицерам пасть от когтя и клыка:
Довольно эля выпито, чтоб и воргену дать пинка!

Может ли смерть отыскать мореход на острие клинка?
А как же, язви меня в сердце, ей-ей! Нож бьет наверняка!
Но не в поножовщине самая суть и не в ином озорстве:
Губит не нож, а эля бочонок, да клятая дурь в голове!
Может ли палубный матрос согнуть в пасти у тролля?
А как же, язви меня в душу, ей-ей! Такая уж выпала доля.
Тут о матросе и кончилась сказка, а началась на том,
Что тролль с матросом бочонок эля выхлебали вдвоем!

Может ли старый капитан до смерти в море плутать?
А как же, язви меня в пятку, ей-ей! И не трудитесь искать!
И все карты в мире его не спасут – туда не ступал человек,
Куда завести может эля бочонок и хмель в дурной голове!

Несмотря на всю свою злость, Арам улыбнулся, и улыбался, пока на его плечо не легла чья-то рука. Обернувшись, он встретился взглядом с Грейдоном Торном. Взгляд отца был печален. Улыбка Арама тут же окаменела, а затем и вовсе исчезла – что, конечно же, не укрылось от измученного заботами отца.

Однако Грейдон решил не унывать и негромко сказал:

– Мы вполне можем провести оставшееся время с пользой. Сходи, возьми свою абордажную саблю.

Но Арам стряхнул с плеча руку отца.

– Нет, – сказал он. – С меня довольно. От такого, как ты, я уже узнал все, что хотел.

Сын Грейдона не стал делать из разговора секрет. Наоборот, он говорил так громко, что слышно было всем. Макаса обожгла его яростным взглядом. Остальные отвернулись. Даже Однобог перестал ухмыляться.

Грейдон нахмурил лоб.

– Мальчик, – сказал он так же громко, как Арам, – я – твой капитан и твой отец...

Но Арам перебил его – еще громче:

– Может, ты и мой капитан, но ты мне не отец! Мой отец – Робб Глэйд! И знаешь, почему? Потому что он был с нами!

С этими словами Арам развернулся на каблуках и отправился на корму. Онемевший от изумления Грейдон смог лишь проводить его беспомощным взглядом.

– Капитан, этому мальчишке не помешает хорошая порка, – негромко прорычала на ухо Грейдону подошедшая Макаса.

Но Грейдон печально покачал головой.

– За что? За то, что он прав? Нет. Если тут кто и заслуживает порки, то не он.

Стоя на корме, Арам хмуро смотрел в морскую даль. Вдруг на горизонте мелькнуло нечто – совсем маленькое, всего лишь темная точка, возникшая среди черных туч и тут же скрывшаяся из виду. Но в следующий миг из шторма за кормой показался черный, как смоль, корабль, крохотный издали, но вполне различимый.

– Смотрите, корабль! – крикнул Арам.

Все взгляды устремились за корму, включая и взгляд Дуань Фэнь, несшей вахту в «вороньем гнезде». И Дуань Фэнь тут же подтвердила открытие Арама:

– Корабль! Капитан, корабль сзади по курсу!

Через несколько секунд Грейдон, Однобог и Макаса присоединились к Араму на корме, глядя в указанном им направлении. Вначале Грейдон Торн не смог разглядеть ничего. Но первый помощник подал капитану подозрную трубу. Грейдон взглянул в окуляр.

– Эсминец, – сказал он. – Эльфийский эсминец.

– Удирает от шторма? – спросил Однобог.

– А, может, гонится за нами? – возразила Макаса.

– Сидит неглубоко, – заметил Грейдон, продолжая изучать идущее следом судно в подозрную трубу. – Трюмы пусты.

– Трюмы держат пустыми, когда замышляют наполнить их чужими товарами, – с обычным для нее оптимизмом сказала Макаса.

Араму отчаянно хотелось никогда больше не разговаривать с отцом, и все же он не смог удержаться от вопроса:

– Значит, ты думаешь, это – корабль Шепчущего?

– Похоже, довольно скоро мы это узнаем, – сказал Однобог. – Он приближается. Не тот это корабль, который нам по силам обогнать.

– Не тот, – согласился Грейдон. – Но, если нам хватит хитрости и удачи, уйти от него мы сможем.

Резко развернувшись, он принялся отдавать приказы. Тут же был поднят и наполнился ветром еще один парус. Команда взялась за фалы и шкоты. Каждый на борту знал свое место и делал свое дело с такой восхитительной точностью, быстротой и слаженностью, будто каждый матрос был еще одной рукой самого капитана. Однобог, Макаса и Молчун Джо, поднятый с постели вместе со всей ночной вахтой, успевали всюду – карабкались на ванты, стрелой мчались по палубе, ныряли в трюм, руководя командой каждый в своей манере: Однобог сыпал шутками, Макаса угрожающе рычала, а Джон просто за какой-то час произнес больше слов, чем за все предыдущее плавание. Наименее ценный груз капитан приказал выбросить за борт, чтобы облегчить судно. В этом принял участие и Арам. Глядя, как исчезают в волнах паллеты песчаника, бочки мускусного масла и ящики железных цепей, он невольно задумался. Какие сокровища смог разглядеть во всем этом отец? На что и где мог бы обменять? Тем временем Грейдон отдал новый приказ, и Фрейкс круто повернул штурвал, уводя «Волноход» с прежнего курса, чтобы набрать больше ветра. Корабль понесся по волнам с поразительной быстротой. Обшивка его была крепка, команда – опытна, офицеры – надежны, а капитан – хитер...

Но вот удача им не сопутствовала.

– Нагоняют, капитан! – крикнула Дуань Фэнь из «вороньего гнезда».

Подзорная труба Грейдона Торна подтвердила ее правоту. Черный, как смоль, корабль тоже сменил курс и приближался. Арамар Торн, Дурган Однобог, Макаса Флинтвилл и снова умолкший Молчун Джо Баркер подошли к капитану.

– Сколько продержимся? – спросила Макаса.

Грейдон взглянул на свой компас, будто надеясь, что он покажет ответ, и поднял взгляд к солнцу, выглянувшему из-за туч. Арам, не отрываясь, следил за лицом отца, пока тот что-то подсчитывал в уме.

– До вечера, – наконец сказал Грейдон. – Часа через два после заката они на нас и навалятся.

– Ну уж нет, капитан, – возразил Однобог. – Это не они, это мы на этих пиратов навалимся часа через два после заката!

Макаса мрачно ухмыльнулась – а может, радостно оскалилась – и согласно кивнула.

Джо не сказал ничего и даже не изменился в лице.

Грейдон взглянул на Арама.

– Ну что ж, теперь ты сходишь за саблей?

Глава девятая

Тягостная обреченность

Черный, как смоль, корабль гнался за «Волноходом» весь день и с каждым часом приближался.

Капитан Торн больше не пытался маневрировать. Вместо этого он и его офицеры позаботились о том, чтобы вся команда, вплоть до троицы самых младших – Арама, Дуань Фэнь и Кили – была как следует вооружена и готова к казавшемуся неизбежным бою. Макаса расхаживала по палубе со щитом на спине, железной цепью через плечо, абордажной саблей на боку и гарпуном в руке. Да, для Арама она была вовсе не самым любимым из членов команды, но он не мог не признать, что ее присутствие придает уверенности всем и каждому, включая и его самого.

Честно говоря, нервы Арама были напряжены, однако он не был слишком уж напуган. Макаса, Однобог, Молчун Джо, Мэри Браун, Ансельм Тис, отец... Всех их за шесть месяцев плавания ему доводилось видеть в бою (большей частью – в драке в тавернах), и он был склонен согласиться с Однобогом: пираты с эльфийского эсминца выбрали для нападения не тот корабль и не ту команду.

Но тут он вспомнил о Шепчущем, и его пробрала дрожь.

И все же больше всего он боялся другого – оплошать в бою, оказаться обузой, осрамиться, если его потребуется выручать. Стоя на корме и следя за черным, как смоль, кораблем, пока дневной свет не померк и преследователь не скрылся из виду во тьме безлунной ночи, Арам держал руку на рукояти абордажной сабли и от всей души жалел, что не слишком прилежно учился обращению с оружием.

Перейдя с борта на борт, он услышал крик Дуань Фэнь:

– Капитан, я их больше не вижу!

– Увидишь, когда подойдешь вплотную! – громко крикнул в ответ Грейдон Торн. – Смотри внимательно, не зевай!

– Есть, капитан!

– Погасить все огни! Чтоб ни единой свечки! Всем – рот на замок! Не стоит облегчать жизнь этим разбойникам!

– Есть, капитан! – раздался в ответ хор голосов, и вскоре на судне стало темно и тихо.

– Как думаешь, капитан, долго еще? – прошептал Том.

– Два часа. Даже чуть меньше.

Услышав это, Арам решил провести оставшееся время с толком.

Он удалился в почти опустевший трюм – тихо и осторожно сошел вниз по трапу и снял с пояса саблю, чтобы попрактиковаться. Получилась целая пантомима. Арам представлял себе врагов и отражал их атаки. Парировал и нападал, парировал и нападал... Если бы на месте затхлого воздуха трюма оказался Шепчущий – да, тут-то этот негодяй и прошептал бы свои последние слова на этой земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.